

МАРК ЙЕРГО

ХОЧУ СНЫ

ИГРА УРАВНИТЕЛЕЙ

16+

Марк Йерго

Хочу сны. Игра уравниателей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53838187

SelfPub; 2020

Аннотация

Виктор Залевски живёт один в чужом городе, вдали от родительской опеки, по-своему переживает недавнюю смерть брата-близнеца, пытается не вылететь со второго курса филфака, и, при этом, открывает в себе талант к осознанному снохождению. Виктор быстро осваивается в мире снов и встречает в нём других пробуждённых. Однако, для сноходцев этот мир не так безопасен, как для обычных людей: полученные во сне травмы отражаются на физическом теле, есть риск забыть о реальности и больше никогда не проснуться, и к тому же здесь обитают хранители – вездесущие существа, чья цель – избавляться от пробуждённых. Но, несмотря на опасности, Залевски обретает в мире снов друзей, любовь и возможность участвовать в великих открытиях, которые должны изменить ход человеческой истории. А самое главное – получает шанс найти ответ на вопрос: кто и за что убил его брата?

Содержание

Пролог	4
I	5
Глава 1. Контроль	5
Глава 2. Другие	11
Глава 3. Следы	20
Глава 4. Комната без стен	46
Глава 5. Слово Ньютона	66
Глава 6. Бункер	74
Глава 7. Сверхусилие	104
Глава 8. «43»	121
Глава 9. Оазис	137
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Пролог

«Человечество не было готово принять дар, которым я напрасно делился. И теперь я должен уйти. Нашедшие силу лишатся её с моим уходом, и отныне предки пребудут в забвении. Но в напоминание я оставляю им последнее своё творение – мир снов. И когда потомки будут готовы отказаться от привычек матери и понять, что все в Абсолюте едины, люди станут пробуждаться во снах, пока миру не явится последний сноходец. Он отыщет силу и пронесёт её сквозь границы миров на Землю, тогда морок рассеется, и человечество навсегда избавится от своих вечных страданий...»

Из дневника первых сноходцев

I

Глава 1. Контроль

Молодой сноходец беззвучно скользил вдоль обшарпанных стен и закрытых дверей в поисках давно забытого сна.

Подошва лакированных туфель едва касалась дощатого пола, усеянного облупившейся штукатуркой. Тусклый свет старых ночников, висящих под чёрным, местами обвалившимся потолком, вычерчивал на гладком лице острые, геометрически выверенные черты: тёмные брови, тонкие, напряжённо сомкнутые в сосредоточенности губы, и лёгкие тени вокруг зелёных глаз, устремлённых в непроглядную даль коридора.

Виктор уже бывал в этом месте, и теперь вернулся в коридор дверей по собственной воле, чтобы отыскать других пробуждённых, чьё присутствие неизменно ощущал за закрытыми дверями, что тянулись бесконечными рядами слева и справа.

Однако до сих пор никто в этом лабиринте ему так и не встретился. Единственными его компаньонами до сих пор оставались стаи мёртвых насекомых, которые дремали в пыльных плафонах пытаясь согреться. Казалось, уже никто

не потревожил бы их покой, пока не явились *они*.

Из стен засочилась густая зудящая тьма, разрастаясь маслянисто-дымчатым пятном и обретая форму. Ночники занялись болезненным мерцанием, давясь пятящимся назад, в их нутро светом. И тогда стайки обожжённых мотыльков словно ожили и стали разлетаться в разные стороны.

Тёмное пятно переползло на потолок и Виктор замер. Он осторожно поднял взгляд, стараясь не выдать страха перед *стражем*.

В нависшей над ним тени проявилась пара косых, рваных глазниц полных прожорливой тьмы. И во тьме той обитало нечто, от чего сердце сноходца каждый раз сокращалось так часто и сильно, что он чувствовал его даже здесь, во сне, где физические ощущения могут возникать лишь на более глубоком уровне сна или перед самым пробуждением.

Совладав со страхом, Виктор отвернулся и прошёл дальше, оставляя пристально наблюдающего стража позади. Напряжение в лампах стабилизировалось. Частые глухие удары в ушах стихли, и на лице сноходца проявилась улыбка облегчения.

Он и не надеялся вернуться сюда после прошлого раза, когда стражи силой заставили его проснуться. Они и сейчас следили за ним из стен, из дальнего конца коридора, испытывали на прочность, улавливая каждый его шаг переливающимися бесплотными телами, улавливая малейшие вибрации его разума, ещё неокрепшего для долгого удержания контро-

ля. Однако пока немые стражи проявляли благосклонность.

Можно было бы сослаться на удачу, но Виктор давно понял, что единственный способ обмануть стражей – имитировать и не оставлять следов. И в этом он достиг успеха. Он мысленно усмехнулся, подумав, что мог бы дать фору даже талантливым актёрам. Ведь поменять внешность и голос не сложно. Но вот чтобы изменить характер, принцип мышления и частоту сознания, требуется немало усилий.

Через несколько дверей облезлые доски под ногами закрипели громче, и всё вокруг приняло ещё более неблагоприятный вид. Отсюда начинался следующий участок коридора. Более ветхий и осязаемый. На стенах пузырились выцветшие обои, местами содранные вместе со штукатуркой.

Виктор остановился у обнажённой кирпичной кладки, где несколько кирпичей отсутствовали. Он прильнул к небольшой сквозной брешу, разгоняя зависшие в воздухе песчинки, и вгляделся наружу. И если бы сноходец дышал, то затаил бы дыхание.

Дымчатые переливы звёздного пути, огромные планеты, звенящий блеск пролетающих совсем близко комет, гул изумрудного пламени взрывающегося вдали шара – всё это пленило его.

Забыв на несколько секунд о крадущихся к нему стражах, готовых вот-вот обрести облик и напасть, Виктор подумал о том, что сейчас он ближе к разгадкам Вселенной, чем всё человечество со своим научным прогрессом, ближе,

чем Гагарин, видевший из иллюминатора лишь умирающую в безжизненном вакууме Землю. Всем сердцем Виктору хотелось дотянуться до этой пестреющей бесконечности, манящей как дом и начало.

Лишь когда слева возник давящий импульс надвигающейся тьмы, сноходец отпрянул от стены и быстро зашагал дальше, по вновь замерцавшему коридору, пытаясь сохранять спокойствие и удерживать контроль как можно дольше. Он не собирался сдаваться стражам и проснуться, так и не отыскав следов *других*. Давно забытый сон привёл его в этот коридор, и Виктор чувствовал, что сейчас он на верном пути.

Слева и справа молчали запертые двери. Сноходец скользил по ним жадным взглядом. Они же невозмутимо таили за своей неприступностью вещи куда более личные, чем те, которые можно спрятать за занавесками, в ночи или за дверным замком. Все двери имели разные размер и форму и оттого казались одинаковыми. Но одна всё же зацепила взгляд Виктора.

Он не сразу понял, чем именно, пока не остановился в нескольких шагах от неё и не заметил на дорожке, но уже чуть потёртой кожаной обивке след некогда висевшего номера – «43». И ниже другая деталь – металлическая ручка всё ещё хранила след чьего-то недавнего прикосновения. След зрительно неразличимый, однако шёпот его владельца пронзил Виктора внезапно, точно сквозняк. И даже через сон у сноходца перехватило дыхание, когда вслед за призрачным зо-

вом дверь скрипнула и приоткрылась.

Кто-то хочет, чтобы я вошёл? – не веря удаче, мысленно спросил Виктор.

Зная, что нельзя выдавать смятения и страха перед стражами, так и ждущими за спиной, сноходец всё же поддался предательскому чувству преследования и обернулся.

И в тот же миг тени зашипели, обнажая десятки рваных глазниц. Стены задрожали. Ночники захлебнулись, треща и мерцая. Космический свет в пробоинах коридора потускнел от наплывающей мутной реальности.

Промедление и сомнения грозили пробуждением. Испугавшись, что в следующий раз дверь навсегда останется запертой, Виктор рванул к ней, но свет внезапно погас и коридор захлебнулся онемевшей тьмой.

Шла секунда, вторая, третья.

Один из ночников вдали неожиданно вспыхнул, и в равном свете, сквозь медленно поднимающийся с пола к потолку мусор, Виктор увидел толпу принявших свой уродливый гуманоидоподобный облик стражей. С онемевшими лицами они неслись прямо на него на своих несгибаемых длинных ногах, тянули к нему разлапистые руки, похожие на ветви деревьев, и с глубоким воем разевали безразмерные рты, растянутые от самых глазниц по всему туловищу, объятому дымчатой вуалью.

Лампочка со звоном лопнула, и в следующую секунду скопившаяся под потолком штукатурка и прочий мусор с гро-

хотом обрушились вниз. Пробуждение было близко и Виктор, ничего не видя, наугад рванул вперёд.

Нащупав ручку, он толкнул дверь плечом и ввалился внутрь. У самого затылка раздался влажный рёв стражей, пробирающий до мурашек. Коридор застонал, заскрипел досками, зазвенел бьющимися лампами и абажурами.

Виктор перехватил дверь с внутренней стороны и навалился на неё всем телом, сокращая схлопывающееся, словно картонный домик, видимое пространство, которое в последний миг заместила собой безразмерная, сочащаяся тьмой, чёрная пасть стража.

Глава 2. Другие

В тишине и тьме, между бодрствованием и сном Виктор попытался нащупать левое предплечье, но промахнулся – пальцы прошли сквозь воздух и не нащупали ничего, кроме пустоты. От этого его бросило в жар.

– Он всё ещё здесь? – раздался неподалёку грубый мужской голос.

– Как видишь, – ответил ему другой – мягкий женский.

Наконец под пальцами появилось нечто похожее на плоть, и стало чуть спокойнее. Виктор прислушивался к голосам, одновременно прощупывая от плеча до запястья появляющуюся левую руку.

– Я думал, он проснётся от страха, – негромко произнёс мужчина.

– Вечно ты всех недооцениваешь, – молодой женский голос выдавал улыбку. – Но вы ещё подружитесь. Вот увидишь.

– С чего бы это? – буркнул мужчина.

– Тебе ведь нужны новобранцы. Вот – почти готовый рекрут.

– Не смей меня, – в голосе незнакомца сквозило презрение, и Виктор почувствовал на себе зуд оценивающих взглядов. – Он сновидец, – вновь заговорил мужчина. – Не вспомнит ничего после пробуждения. Судя по всему, он и сей-

час не особо понимает, что происходит. Посмотри на него. Скрючился, как при диарее. Бедняга... Наверное, студентик перебрал компота в столовой. Сидит себе сейчас где-нибудь на горшке и никак не может проснуться...

– А вот и нет, – с уверенностью перебила его девушка. – Он – сноходец!

Сноходец... Слово отозвалось у Виктора в сердце.

– Сновидец бы не смог замести следы, – рассудительно продолжала незнакомка. – А он смог. Ещё и удержал контроль перед лицом хранителей.

– Что-то не похоже, – с сомнением отозвался мужчина.

– Ты же сам всё видел! Они почти заставили его проснуться, но он хочет остаться! Хочет продлить пребывание во сне! – происходящее словно восторгало девушку. – Просто он боится пошевелиться, пока не погрузится в сон глубже, чтобы ненароком не потревожить тело в реальности. Ведь если он почувствует тело, то вмиг проснётся. Вот он и пытается расслабиться и концентрироваться на чём-то стабильном, что от него не зависит.

– И на чём, по-твоему, он концентрируется сейчас?

– Думаю, на нашей болтовне.

Снова молчание и оценивающие взгляды.

– Судя по его позе и выражению лица, – вновь заговорил мужчина. – Версия с компотом всё же более вероятна.

Девушка рассмеялась, и смех её эхом очертил небольшое замкнутое помещение. И хоть Виктор не видел незнакомку,

но уже испытывал перед ней жаркий стыд из-за положения, в которое попал. Однако шевелиться всё ещё не решался, ведь девушка оказалась права насчёт концентрации. Виктор ещё не достаточно *закрепился*, чтобы подавать признаки жизни.

– Ну, каждый видит то, что хочет видеть, – задумчиво протянула девушка, а затем заговорила импульсивнее, словно теряя терпение. – Да будет тебе, Гуру! Он же самоучка. Дай ему минутку освоиться.

Внезапно раздался скрип оконной створки, глухой удар, затем мягкий шелест и шаги мужчины. Он отошёл куда-то в сторону, громко стуча подкованной подошвой туфель о деревянный пол.

Ощувив дуновение ветра и пыльный вечерний зной, Виктор решил, что в квартире, где находилось его тело, открылось окно и теперь реальность проецируется во сне и пробуждения не миновать. *Была, не была*, подумал он и, всё ещё сжимая левую руку, нерешительно приоткрыл глаза, и в тот же миг его захлестнул волнительный восторг. Он всё ещё пребывал в мире снов и сидел на деревянном полу, скрючившись и прижавшись к шершавой кирпичной кладке, на месте которой совсем недавно находилась дверь с номером «43».

Комната наполнилась тёплым дневным светом, в котором пребывали двое. Взрослый мужчина в дорогом сине-сером костюме боролся с бежевыми занавесками, пытаясь закрыть окно, через которое ветер швырял красно-жёлтую листву. В это же время стройная черноволосая девушка в белой майке

и коротких туристических шортах сидела на краю расправленной двуспальной кровати, подогнув одну ногу, и смеялась над стараниями своего друга.

Виктор не видел их лиц, а они пока не обращали внимания на него.

– Зачем ты его привела? – справившись с окном, чуть раздражённо бросил через плечо мужчина.

– Я ведь уже сказала. Он тот, кто тебе нужен, – ответила девушка.

Мужчина обернулся, расслабленно прислонился к подоконнику и, скрестив руки на груди, пристально посмотрел на девушку.

Его немолодое лицо имело благородно-грубые черты. Каштановые бакенбарды треугольниками стремились к бескровным губам. Тёмно-карие глаза терпеливо и мудро выжидали под широкими надломанными бровями. Могучие надбровные дуги переходили в прямой и широкий нос, отчего лицо приобретало акулий вид. Виски чуть тронуты седью, как и чёлка, старательно зачесанная поверх тянущихся к макушке залысин. На лбу проявилась тройка глубоких морщин, когда мужчина вскинул брови и устало помассировал переносицу длинными широкими пальцами. На манжете пиджака в солнечном свете блеснула запонка с изображением серебряного знака «равно» в золотом ореоле.

– Тот, кто мне нужен? – мужчина хмыкнул. – Да неужели?

– Послушай, он прекрасно справится, – мягко настаивала

девушка.

Она поднялась с кровати и оказалась на полторы головы ниже человека с бакенбардами и втрое уже в плечах, хотя хрупкой назвать её было нельзя. Босая, она беззвучно шагнула ему навстречу, переступая через старые плюшевые игрушки, разбросанные по полу вместе с палой листвой.

– У меня чутьё, ты сам знаешь, – она посмотрела мужчине в лицо. – Ему нужен наставник, а тебе нужен ученик.

– А кто сказал, что мне нужен ученик? – его глаза сверкнули надменной обидой, а затем он решительно произнёс. – Мне нужна десница.

– Я знаю, что подвела тебя... – девушка вдруг виновато опустила глаза. – Прости... Я знаю, как ты рассчитывал на меня и всё ещё рассчитываешь. Ты желаешь общего блага, жаждешь возрождения Ордена, – она глубоко вздохнула и заговорила с неожиданной холодностью. – Но я больше не хочу участвовать во всём этом. Прими как данность. Я выполнила свою часть уговора.

– Подсунув мне самоучку? – с подавляемым раздражением спросил мужчина. – Думаешь, он сможет тебя заменить?

– Прости, но нынче в мире снов дефицит кадров, не заметил? – девушка усмехнулась. – Многие хотят с тобой работать, Гуру?

Мужчина задумчиво посмотрел в пространство.

– Прошли те годы, когда ты мог свободно разбрасываться людьми. Когда у дверей твоего бункера стояли толпы. Так

что, хочешь возродить Орден, придётся начинать всё заново.

Мужчина печально улыбнулся и покачал головой.

– Разве я не права?

– Конечно, права, Анечка, – ответил он. – Просто я надеялся, что ты поделишь мои начинания. Думал, что тебе будет приятно стоять у истоков нового начала после всего, через что мы прошли.

Девушка скрестила руки на груди и только пожала плечами, такими белыми, что когда солнечный луч вырвался из-за занавесок и коснулся их, Виктору почудилось, что они сейчас же обгорят.

– Не обижайся, Гуру. Я всё сказала. Ты быстро подготовишь себе другую десницу.

Мужчина оторвался от подоконника и в один шаг настиг девушку:

– Тебя не заменит никто, – тихим голосом заявил он. – И я не оставлю тебя и не буду спокоен, пока ты не передумаешь.

Его могучие руки заботливо коснулись её тонких локтей. Казалось, мужчина хотел сказать что-то ещё, но вдруг он осёкся и застыл на прищельце арканящим взглядом.

Виктору стало не по себе от этого зрительного контакта. Два чёрных акульих глаза словно выжирали его изнутри.

Перехватив взгляд Гуру, девушка обернулась, и на секунду на её лице повисла растерянность, однако ещё через мгновение выразительные губы растянулись в улыбке.

– Ну вот! Что я тебе говорила! – победоносно произнесла

она. – Он сумел!

В смятении Виктор не сообразил подняться и так и остался сидеть на полу и заворожённо смотреть. Девушка беззвучно подошла к нему и, слегка наклонившись, с дружелюбной улыбкой спросила:

– Ну что, как самочувствие, лунатик?

Он хотел что-нибудь ответить, но не смог. И не потому, что всё ещё чувствовал на себе пронзительный взгляд мужчины. И не потому, что никогда раньше не встречался и тем более не разговаривал с другими сноходцами. Причиной растерянности стал образ той, кого могучий мужчина с бакенбардами всё это время нежно звал *Анечкой*.

Её голос лился живой рекой. Глаза, точно два айсберга в лунной синеве, то впивались в него, ранили и заставляли тонуть, то скрывались за волнами тёмных ресниц. Выразительные губы, чувственные даже в этой игривой улыбке, что-то беззвучно говорили ему. Окантовку ясного лица завершал почти мальчишеский, разделённый чуть заметной впадинкой подбородок, и всё же идеально сочетающийся с высокими ровными скулами.

Девушка убрала за ухо прядку чёрных волос, и только теперь Виктор заметил небольшой давно затянувшийся шрам на правом виске. Но шрам этот вовсе не портил её лица, а скорее доказывал, что это лицо, от которого Виктор не мог оторваться, было лицом живого человека из крови и плоти, а не игрой воображения.

Вновь открылось окно, и тёплый вечерний воздух ворвался в комнату вместе со сладким запахом осенней земли. Комната переливалась в оранжевом свете заката, полнясь тем, что было за её стенами и расширяясь, расширяясь... Будто это место не ограничивалось стенами и, даже, наоборот – словно это смех и голос девушки наполняли мир и одновременно угасали где-то вдали.

За миг до пробуждения, Виктору стало страшно, что он больше сюда не вернётся. Пронзённый судорогой утраты, он протянул руку, в надежде, что девушка не даст ему исчезнуть.

Но всё смешалось в воронке из света, ветра, распахнутых окон и чужих голосов. Сердце волнующе забилося, навалилась тяжесть телесного бремени, и Виктор безвольно рухнул прямо в жерло реальности.

* * *

Гуру уже собирался закрыть окно, но остановился, когда парень, к которому Аня едва успела приблизиться, неожиданно испарился.

Девушка замерла в недоумении перед кирпичной кладкой на месте дверного проёма, затем повернулась к Гуру.

– Что это сейчас было? – чуть оскорблённо спросила она. – Нет, ну ты видел? Как это понимать?

Мужчина не смеялся, только уголки его глаз выдавали слабую улыбку:

– Парень удержал контроль даже после стычки с храните-

лями. Но стоило тебе проявить к нему интерес, и... Пых!

– Я что, настолько уродлива? – Аня взяла прядку волос и пристально посмотрела на кончики. – Только скажи честно. Я давно в зеркало не смотрелась.

Мужчина только отмахнулся и подошёл к окну.

– Ты прекрасна, – сказал он, глядя вдаль.

– Тогда в чём дело?

– В том то и дело. Ты красива, а он юн. Такова жизнь. В реальности молодые люди теряют головы от красавиц, вроде тебя. Но, судя по реакции нашего друга, он не встречал таких, как ты, – Гуру хотел сказать что-то ещё, но, затылком почувствовав пристальный и недружелюбный взгляд Ани, только лукаво улыбнулся. – Прости.

– Лучше бы ты сказал, что я уродина, – с неясной обидой произнесла девушка и, всё же смягчившись, глубоко вздохнула и подошла к Гуру.

Она посмотрела в окно на заходящее оранжевое солнце, ослепившее всё вокруг, кроме её синих глаз.

– Не переживай, – неожиданно участливо протянул мужчина. – Он вернётся. Если, конечно, он действительно так хорош, как тебе показалось.

Аня склонила к нему голову, едва касаясь могучего плеча.

– Надеюсь, – полушёпотом произнесла она.

Глава 3. Следы

Очнувшись в комнате, Виктор с минуту лежал на полу и глядел на задёрнутые шторы, окрашенные догорающим закатом. Затем он спешно перевернулся на живот, сунул единственную руку под аккуратно заправленную кровать и вытащил из пыльной тьмы дневник и ручку.

Виктор сел, прислонившись спиной к кровати, и разместил дневник на коленях. Наконечник стержня застыл над чистой страницей. Прежде чем начать, Виктор покосился на левую руку, вернее туда, где её не было. Но он всё равно таращился в пустоту несколько долгих секунд, словно ожидая, что недостающие плечо, предплечье и кисть сейчас отрастут. Лишь твёрдо убедившись, что этого не произойдёт, он принялся спешно заносить сон в дневник: стражи, дверь с цифрой «43», комната, полная осенних листьев, двое незнакомцев – девушка с глазами-айсбергами и мужчина с бакенбардами.

Закончив, Виктор ещё раз пробежался глазами по тексту. Мягкий смех девушки всё ещё звучал у него в голове. Он выронил ручку и пристально посмотрел на предательски трясущуюся ладонь, в наивной надежде отыскать след или почувствовать прикосновение незнакомки. Голоса доносились из памяти, пока он не произнёс вслух:

– Я нашёл их, – и затем снова, громче. – Я нашёл их! – Виктор восторженно хохотнул и вскочил на ноги так резко, что засохшие цветы на подоконнике колыхнулись.

Он открыл верхний ящик прикроватной тумбы и принялся ворошить канцелярский хлам, пока из глубины не выкатились, побрякивая, полупрозрачные медицинские пузырьки. Виктор замер. Затем нерешительно, словно боясь обжечься, взял склянку, на которую была приклеена мятая бумажка с фломастерной надписью:

«КОНТРОЛЬ»

Неразборчивый растёкшийся почерк с сильным наклоном влево. На дне склянки смиренно ожидали своего часа полдесятка таблеток.

Виктор судорожно облизнул пересохшие губы, медленно откупоривая резиновую пробку большим пальцем. Но внезапно всё тело от макушки до пят пронзил призрачный холодок. Сноходца передёрнуло. На худой руке вздыбились волоски, большой старый ожог на шее вдруг заныл. Из глубины подсознания стал подниматься призрачный шёпот стражей – чудовищ из мира снов.

Виктор переместил трясущийся большой палец поверх пробки и сжал склянку так сильно, словно не позволяя чему-то чужому и слишком тёмному вырваться наружу. Лишь когда шёпот стих, он бросил пузырёк обратно и захлопнул ящик.

* * *

Виктору хотелось вернуться в тот сон. Вернуться к тем двоим, ведь они говорили о нём так, будто он являлся частью какого-то плана. Но измотанный разум взял своё. В тот вечер Виктор больше не смог выйти в мир снов и просто отключился.

Утром, перечитав запись, многое показалось странным и местами не верилось в действительность случившегося. Но привыкший к подобной дезориентации, Виктор решил довериться дневнику и неясному чувству утраты, тянущему его назад, в комнату номер сорок три и к незнакомцам, открывшим ему дверь.

Судя по поведению и по устойчивому внешнему облику, те двое не были проекциями. Они были настоящими людьми, как и я, рассуждал Виктор, наскоро завтракая в своей крохотной кухне чёрствым хлебом и горьким чаем, пока за окном болезненно гудело городское утро. «Сноходец», смаковал он чудесное слово. *Так та девушка назвала меня. А ещё самоучкой. Но разве можно освоить осознанное снохождение не иначе, как самостоятельно?* Виктор рассчитывал получить ответы на этот и многие другие вопросы.

Каждый день, возвращаясь с учёбы, он погружался в мир снов, блуждал по лабиринтам коридора дверей, пару раз наткнулся на непомнящих себя сновидцев и их иллюзии, скрывался от стражей и выискивал следы незнакомцев.

Но мир снов не хранил следов. Всё в нём пребывало в вечном движении. Двери менялись местами, исчезали и воз-

никали новые. Коридоры удлинялись, сужались, отрезались от основного лабиринта случайным падением кометы или по воле стражей. К тому же Виктор давно понял, что основной залог выживания в этом мире – стирать следы. Это сбивает стражей с толку и даёт дополнительное время, пока они тебя не настигнут. А если это знал он – «самоучка», то опытные сноходцы и подавно. Глупо искать их следы. И всё же Виктор пытался.

Коридоры скручивались, извивались, двери становились входами в пустые пещеры, возникали то бетонные коробки, то бескрайние болотистые равнины, парящие в небе; под ногами то расстилались гнилые доски, то шепталась высокая трава, которая в любой миг могла оцетиниться иглами или рассыпаться пеплом. Но никаких признаков жизни, кроме шипения стражей Виктор не находил. Снова и снова лишь пустошь, по которой он бродил часами, пока не выбивался из сил и не утрачивал контроль. Тогда он либо просыпался, либо таял в забвении.

Может, они и оставили бы какой-нибудь след, как в прошлый раз, если бы я оказался недалёко от них, рассуждал Виктор. И если бы они посчитали нужным дать мне второй шанс... И если бы позволили вновь связаться с собой... Слишком много «если». Да и с какой стати им рисковать ради меня?

Виктор вспоминал слова девушки, адресованные человеку с бакенбардами: «Он тебе подойдёт»...

Для чего подойдёт? И с чего она это взяла?

Он не мог перестать думать о девушке с чёрными волосами и ясными синими глазами. Да и не хотел.

По несколько раз на день, где бы он не находился – на лекции или в трамвае, Виктор закрывал глаза, чтобы снова увидеть её лицо. Но день ото дня прекрасные черты в памяти меркли, и вместе с тем всё росло щемящее чувство потери.

Конечно, за восемнадцать лет жизни Виктору нередко снились другие девушки. Особенно когда накатывало возбуждение. Тогда он ещё не был *сноходцем* и не контролировал своё пребывание в мире снов. Так что он поддавался собственным фантазиям, а потом просыпался на мокрой простыне, счастливый и стыдливый одновременно. Наивная влюблённость тоже была ему знакома со старших классов.

Виктор пытался сопоставить весь свой небогатый опыт с этим новым, ранее не известным чувством непокоя, которое одолевало его при воспоминаниях о той молодой незнакомке, и не находил сходств. От этого чувства потери не хотелось расслабляться. Напротив, оно заставляло действовать, верить, искать.

Каждую ночь Виктор засыпал в своей маленькой квартире, чтобы проснуться в мире снов. А по утрам тушил холодной водой горящие от усталости глаза, бодрился крепким чаем, ездил в университет, чтобы не сводить посещаемость к нулю, и порой заглядывал в библиотеку.

В один из дней он как обычно перебирал книги на стел-

лажах в поисках хоть какой-то крупницы знаний о снохождении, как вдруг за спиной услышал робкие голоса студентов. Несколько молодых людей сидели за партой в конце читального зала, перешёптывались и косились на однорукого сокурсника.

Виктор не подал виду, хотя и слышал каждое их слово. Слышал всем своим существом, как слышал бы в мире снов. С тех пор, как он стал сноходцем, чутьё его обострилось, и он даже мог угадывать, кто заговорит следующим и что именно скажет. Эта *игра* порой забавляла его и напоминала телепатию. Виктор взял очередную книгу, сделал вид, что читает, и прислушался.

– Смотрите, наш философ-прогульщик здесь, – полушёпотом позвала рыжеволосая девушка остальных.

Сидевшая напротив неё студентка с жидкими бесцветными волосами, слишком занятая конспектом, и бровью не повела. Но двое других – полный очкарик и крепыш в олимпийке бросили в спину однорукого любопытные взгляды.

– И как его ещё не отчислили? – высокомерно прогнусавил очкарик. – Приезжает от силы раз в неделю, и то не доживает до третьей лекции.

Рыжая хихикнула, вспоминая, как часто однорукий засыпал на последнем ряду и даже не реагировал на озорников, бросавших в него бумажные самолётики.

– А тебе то что? – спросил у очкарика спортсмен, подкидывая и ловя баскетбольный мяч. – Всё ещё злишься за то,

что в прошлом году он тебя на олимпиаде уделал, а?

– Разумеется нет! – раздражённо прошипел тот и, перелистнув страницу учебника, добавил. – Просто не понимаю, почему одних отчисляют на раз-два, а с другими возятся. Это просто несправедливо.

– Смотрите-ка, какой борец за справедливость нашёлся! – спортсмен усмехнулся.

– Да тише ты! – прошипел очкарик.

– Чего тут понимать-то, – шёпотом вмешалась в спор рыжеволосая и наклонилась через стол, ближе к парням. – Он же инвалид! Куда же ему ещё податься?

– В армию, в Афганистан, – ответил очкарик и, поймав вопросительные взгляды остальных, добавил. – А что? Стрелять он, конечно, не сможет, но гранатами обвязаться и под танк...

Очкарик тихо хрюкнул в своей улыбке, однако остальные одарили его презрительным молчанием и холодными взглядами.

– Вы чего?

– Говнюк ты, Плюшкин, – неожиданно желчно объявил спортсмен, затем поднялся из-за парты и, ещё раз зло покосившись на оцепеневшего очкарика, прошагал к выходу.

– И чего это он на меня так? – голосом жертвы спросил очкарик у студенток, едва спортсмен вышел за дверь. – Я же пошутил. Разве не ясно? Я просто хотел сказать, что даже такие, как он...

Виктор затылком ощутил кивок очкарика в свою сторону, от чего невольно напрягся и случайно надорвал уголок стра­ницы.

– ... Те, кто физически ограничен и не имеет тяги к зна­ниям, может приносить пользу государству в той же самой армии. Нет, я не говорю, что нужно отправлять их в Афгани­стан под танки. Я имею в виду, – очкарик прочистил горло и рассудительным тоном заговорил демонстративно громче. – Даже ограниченные люди могли бы получать в армии полез­ные навыки, если создать для них надлежащие условия. Они могли бы становиться связистами, или получить другую про­фессию...

– Чушь городишь, – тихо перебила его девушка, ранее хранившая молчание.

– Да неужели? – заступилась за очкарика рыжеволосая.

– Ещё как «ужели», – студентка оторвалась от конспекта и холодно посмотрела на обоих. – Вы, правда, не в курсе, что произошло или прикидываетесь, чтобы скрыть своё бессер­дечие?

Рыжая и очкарик переглянулись и отрицательно замотали головами. В их глазах засияло бесцеремонное любопытство.

– Думаете, – продолжила говорить девушка. – Лучший ученик курса скатился просто потому, что у него ни с того ни с сего пропала «тяга к знаниям»?

– А что? Всякое бывает, – очкарик развёл руками. – Кто знает, что у него в голове.

– Нормально у него всё в голове, – студентка чуть помолчала и продолжила таинственным голосом. – Просто в июне, перед самым выпуском, нашли его брата.

– «Нашли»? – с опаской переспросил очкарик.

– Именно, что *нашли*. То, что от него осталось. Мало кто знает, но его ведь почти год считали пропавшим без вести, а в июне нашли его тело. Без головы... Говорят...

Заметив, что однорукий студент повернулся и стал сверлить их тяжёлым уничтожающим взглядом, рыжеволосая шикнула остальным, и все трое стихли.

Однорукий студент медленно зашагал в их сторону, точно мрачная туча, предвещающая бурю. Студенты вжались в стулья и невольно ссутулились. Но бури не последовало.

Виктор стремительно сменил направление, скользнул между стеллажей и спешно покинул библиотеку.

* * *

Виктор пробивался к вестибюлю через поток студентов. Он, то и дело, на кого-нибудь наталкивался, но, подогретый злостью от только что услышанных сплетен, не извинялся и не ждал извинений, а только ещё ниже опускал голову, словно ныряя в поток, и рвался дальше, пока у самого выхода не налетел на очередного студента. Неизвестный неожиданно схватил его за плечи, препятствуя бегству.

– Витя! Залевски!

Виктор посмотрел в широкое, усеянное весёлыми веснушками улыбающееся лицо студента и сразу узнал в мо-

лодом человеку своего старосту. Он был ниже Виктора, но крепче в плечах, с копной рыжих волос, очками в узкой дешёвой оправе. Несмотря на сентябрьскую духоту, на старосте был твидовый пиджак с приколотым к груди красным значком ВЛКСМ с профилем Ленина.

– Привет, Коля, – поздоровался Виктор. – Прости, я тебя не заметил.

– Ещё бы, Залевски – так-то нестись! – повторил староста и, поправив очки кончиком указательного пальца, на миг сощурился и улыбнулся так сильно, что в прорези рта над резцами чуть показались розовые дёсны. – Чуть с ног не сбил!

– Прости. Я что-то задумался, – рассеянно проговорил Виктор, поправляя сумку на плече.

– Это я уже понял.

– Может, выйдем отсюда? – благоразумно предложил Виктор. – Не будем стоять на проходе.

Они вышли на крыльцо и отошли от входа, чтобы не мешать входящим и уходящим.

– Так куда ты бежал? – спросил Коля подозревающим и одновременно участливым тоном. – У нас же сегодня лекция у Марсианина. Он спрашивал о тебе в прошлый раз, да и в позапрошлый тоже.

– Нездоровится, – ответил Виктор, бегая глазами по сторонам – *как бы не попасться никому из преподавателей.*

– Что, снова? – глаза Коли озабоченно округлились, оглядывая однорукого с ног до головы. – Ну да, ну да... Выгля-

дишь ты худо.

Виктор тоже невольно опустил взгляд на свои широкие брюки, которые смотрелись на тощих ногах нелепо и держались на бёдрах только благодаря заправленной в них рубашке.

– А что с тобой? – спросил староста. – То есть, что сказать, если кто спросит? А то спрашивают постоянно. Все за тебя беспокоятся. То есть, преподаватели беспокоятся, я хотел сказать.

Виктор впился ногтями в лямку рюкзака и, чуть помедлив, нерешительно соврал:

– Грипп.

– Грипп? Так долго? – удивился Коля. – Я тебя с начала месяца ни разу не видел.

Виктор замялся. Имитировать в мире снов и обманывать хранителей он мог, но в реальности врать людям совсем не умел. Особенно людям, ждавшим от него исключительной честности. Коля был одним из таких людей. Они не дружили, но всё же в этом институте, да и во всём городе ближе него у Виктора никого не было.

Внезапно в серо-зелёных глазах однорукого студента блеснула решительность. Он выпрямился и посмотрел старосте прямо в глаза.

– Пойдём в сквер, – тихо предложил Виктор. – Я хочу тебе кое-что рассказать.

Коля несколько секунд сомневался.

– Ладно, пошли, – всё же сказал он и отчего-то опасливо огляделся. – Только не долго. Лекция через десять минут, а мне ещё к декану нужно зайти.

В сквере, всё ещё по-летнему зелёном, они отыскивали свободную скамейку подальше от других студентов и присели.

– Залевски, а где ты успел так здорово обжечься? – заметив на шее однорукого неровный розово-белый шрам, состоящий из наростов молодой и остатков расплавленной старой кожи, спросил Коля.

– Да так. Летом неудачно заснул у костра, – на этот раз Виктор сумел соврать.

– Странно. А выглядит так, как будто ожог старый, – Коля бесцеремонно придвинулся вперёд, разглядывая ожог, отчего напрягшемуся Виктору захотелось предложить ему лупу, чтобы тот лучше видел.

Когда Коля удовлетворился зрелищем, он отпрянул и спросил:

– Так что ты хотел рассказать?

Виктор вмиг забыл о раздражении и ответил:

– Я нашёл их! – прошептал он, с удивительной для самого себя радостью, отчаянно рвущейся наружу.

– Кого? – не понял Коля.

– Других! Таких же пробуждённых, как я!

На лице Коли отразилось непонимание.

– Вить, ты о чём вообще? – спросил староста, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Забыл? – разочарованно протянул Виктор, лишаясь улыбки, и тут же поторопился объяснить. – Ну, помнишь, весной мне часто снился один и тот же сон. Я тебе о нём рассказывал...

На самом деле, это были разные сны, но человек, являвшийся в них, неизменно приходил к Виктору каждую ночь и словно звал его куда-то с собой. Он приходил из ниоткуда, вёл его неизвестно куда и пытался о чём-то предупредить. Но каждый раз сны заканчивались одинаково: едва Виктор начинал понимать, что видит перед собой лицо, столь похожее на его собственное, и что обладатель этого лица владеет настоящей волей и именем, и едва до него начинал доходить смысл слов, произносимых этим человеком, как отовсюду наплывала тьма, и Виктор буквально тонул в ней. Он просыпался в поту, сердце долбило в рёбра, желая вырваться, и очень скоро эти кошмары вызвали бессонницу.

– Да, да, я припоминаю. Кажется, тебе снился твой брат, да? – Коля снял очки и стал увлечённо протирать их рукавом пиджака, пряча взгляд от Залевски.

– Его звали *Артур*, – едва Виктор произнёс это имя вслух, как почувствовал непреодолимую силу, тянущую его в прошлое, но он тряхнул головой и продолжил прежним тоном. – Тогда я не понимал, что значат эти кошмары, но перед тем, как меня окутывала тьма, я чувствовал во сне присутствие Артура. Я знал, что он не плод моего воображения, понимаешь? Я чувствовал его присутствие так же, как чувствую сей-

час твоё. И теперь я знаю, что он и впрямь приходил ко мне!

Староста вернул очки на переносицу и посмотрел на однорукого студента с сочувствием.

– Вить, – произнёс он. – Ты же понимаешь, что... Ну, в общем...

– Что Артур мёртв? – с кривой усмешкой закончил за старосту Виктор, и тот робко кивнул. – Я это прекрасно понимаю. Понимаю, что его больше нет, – Залевски старался говорить рассудительным тоном, но вместо этого выходило сжато и почти зло. – Я не настолько тронулся, чтобы думать, будто мертвецы посещают меня во сне. Но Артур являлся мне *до того*, как *это* случилось. Тогда мы всё ещё не знали, где он и что с ним, но когда начались те сны, он был жив и здоров. Это абсолютно точно.

– Ты чувствовал это?

Виктор изумлённо покосился на Колю от неожиданного вопроса.

– То есть, – поспешил исправиться староста. – Вы же близнецы, я хочу сказать. *Ты чувствовал*, что он был жив, да? Поэтому ты так уверен?

– Нет, – холодно ответил Виктор. – Я уверен в этом, потому что так показала судмедэкспертиза. Его тело нашли в конце мая. И оно было достаточно свежим. А мои сны начались в апреле.

Коля виновато опустил глаза, и внезапно Виктор мысленно пожалел, что так груб к нему.

– Что? – стараясь выдать дружескую улыбку добавил он. – Ты, как и все остальные, считаешь, что я сумасшедший?

– Нет, Вить, я так не считаю, – словно опомнившись, быстро заговорил Коля. – Честно. Ничего такого. И никто не думает, будто ты сходишь с ума, – он понизил голос. – И я верю, что тебе снился твой брат, и что ты чувствуешь его присутствие, и что разговаривал с ним во сне, как сейчас со мной, но, – Коля помедлил. – Это всё только в твоей голове. Ты думаешь о брате, это понятно. А во сне твои переживания накладываются на воспоминания о нём, и тебе снится что...

– Нет, нет, нет, – Виктор покачал головой и пристально посмотрел на Колю красными от усталости глазами. – Ты ищешь лёгкое, удобное для тебя объяснение, но ты ведь даже не дал мне досказать, что я хотел.

– Да, прости, Вить, – проронил староста, бросив взгляд на старенькие наручные часы, и с деланой улыбкой произнёс. – Расскажи, пожалуйста.

Виктор откинулся на спинку скамейки. Его хмурый взгляд буравил газонную траву.

– Каждый из тех снов оборачивался кошмаром, и я потерял сон на какое-то время, – мрачно продолжил он. – Я почти неделю не спал. День на седьмой или восьмой я не выдержал, уснул, и снова проснулся от ужаса, которого никогда не испытывал...

Пока Виктор рассказывал, Коля скользил взглядом по его седеющим вискам, по бардовым мешкам под глазами.

– ... Тогда я решил с этим бороться. Сначала пробовал валерианку, пустырник, даже напиток пробовал раз, чтобы уснуть мёртвым сном. Надеялся, так я не буду видеть снов и, наконец, высплюсь. Но сны и от этого не ушли. Наоборот, стали более подробными, долгими, но уже не такими страшными, потому что я начал чувствовать заранее, когда сон превратится в кошмар, и самостоятельно просыпался до этого момента. И я стал мало по малу различать, что именно говорил мне Артур, – Виктор приблизился к Коле, и его острое лицо исказила улыбка, глаза расширились, и в них вновь забегали беспокойные огоньки. – «Пробудись» – вот, что он говорил.

Проходящая мимо компания взорвалась смехом, и Коля настороженно обернулся, но Виктор и глазом не моргнул.

– «Пробудись. Пора проснуться», – прошептал однорукий студент вновь с молитвенным придыханием.

– Ну, и что дальше? – после затянувшейся паузы, спросил староста. – Ты *пробудился*?

– Да, но не сразу, – безумие в зелёных зрачках Залевски вновь потускнело, уступая зелёной усталости. – Я не сразу понял, что значил его призыв, пока не вспомнил, что когда мы были ещё подростками, Артур как-то всерьёз увлекся темой снов и особенно его волновал вопрос *осознанного снохождения*. Ты что-нибудь слышал об этом?

– Немного, – кивнул Коля. – Это что-то вроде того, когда человек управляет сном?

– Не совсем. Управляемый сон, это когда человек контролирует всё, что в нём происходит. Но в таком сне человек может и не осознавать самого себя. То есть не понимать, что он на самом деле спит. А осознанный сон, это сон в котором человек помнит себя, помнит свою личность, и полностью осознаёт, что его физическое тело спит в реальности, а он находится в другом месте – в мире снов.

– Но тогда получается, – Коля неожиданно заинтересовался. – Если осознавать себя во сне, значит, это уже и не сон толком? Это что-то вроде визуализации того, что происходит у тебя в голове?

– И да, и нет, – Виктор чуть прикусил пересохшие губы. – Я попробую объяснить. Осознанный сон это состояние, при котором ты не теряешь сознание, но в то же время перестаёшь отождествлять себя с телом. Физическим телом. Вместо него ты обретаешь тонкое тело. Вернее сказать, у каждого человека изначально есть два тела: физическое и тонкое. Тонкое состоит из потоков энергии и его не видно в реальности. Представь, что ты в куртке и тебе нужно нырнуть в воду. Прежде чем ты нырнёшь, ты снимешь куртку. Так же и с физическим телом. Его нужно «скинуть», чтобы остаться только в тонком теле и осознанно войти в мир снов.

– Всё это... – Коля помедлил, подбирая нужное слово. – Сомнительно как-то. Но, предположим. Продолжай.

– В состоянии осознанного снохождения, сон перестаёт казаться обычным сном, в котором всё хаотично и бессвяз-

но, и предстаёт как некий устойчивый мир, в котором есть реально существующие места, между которыми можно перемещаться и в которые можно возвращаться, если хочешь!

Несколько секунд они оба молчали. Коля в задумчивой гримасе, обращённой к облакам, Виктор же испытующе глядя на старосту и пытаясь понять, верит ли тот ему.

– «Пробудись», – произнёс Виктор. – Так говорил Артур. Он хотел, чтобы я научился просыпаться во сне и удерживать контроль! Понимаешь? Удерживать высокий уровень сознания!

Коля нахмурился:

– Но зачем?

– Как зачем? – раздражённо выпалил Виктор. – Чтобы встретиться с другими пробуждёнными! Такими же, как я, и каким был Артур! Он рассказывал мне о них! Говорил, что в этом мире есть другие! И теперь я нашёл их!

– Погоди, погоди, погоди, – затараторил Коля, часто мотая головой. – То есть, ты считаешь, что человек, спящий в точке «А», может отыскать человека, который спит в точке «Б», если оба они пребывают в состоянии осознанного снохождения?

– Да! Именно! – радостно выпалил Виктор и облегчённо вздохнул. – Я сам точно не знаю, как это работает, – продолжил он спокойнее. – Я всё лето бился над изучением этой темы, чтобы понять. Информации мало, потому что никто не задавался изучением снохождения всерьёз. Но в одном ста-

ром журнале я нашёл теорию какого-то учёного. Он считал, что на самом деле всем людям всегда снится одно и то же место – мир снов, который является отражением реально существующего единого общечеловеческого сознания. Некое информационное пространство, в которое можно войти и ориентироваться там так же, как здесь, в реальности! Словом, это тонкий мир, который существует параллельно с физическим – с реальностью.

Закончив, Виктор посмотрел на Колю и увидел, что тот едва сдерживает сконфуженную улыбку, косясь на группку хихикающих студенток, подслушавших безумные речи однорукого.

– Ты не веришь мне, – тихо произнёс Залевски, и глаза его потускнели.

– Не верю? – староста выдавил примирительную улыбку, пытаясь смягчить каменное выражение на лице сокурсника. – Вить, ну, это же всё теории. Здесь нельзя ответить «верю» или «не верю». Но всё то, о чём ты говоришь, лично мне кажется, хоть и весьма интересным, но лишённым вещественных доказательств.

– «Вещественных доказательств»? – Виктор неожиданно сжал кулак и глухо стукнул по скамеечному бруску. – Но я ведь тебе говорю, что я смог! По-твоему я лгу?! Я смог выйти в это пространство! Смог выйти в мир снов! И я нашёл их! Нашёл других! Таких же, как я!

Вокруг стало тише. Староста огляделся и понял, что те-

перь уже многие из присутствующих в сквере услышали и устремили свои любопытные взоры в их сторону. Но когда однорукий резко обернулся и стал бросаться на них озлобленным взглядом, все тут же принялись отводить взоры и показательно громко говорить друг с другом на прежние темы, словно никакого безумного Залевски с его бредом и во-все не существовало.

– Вить, ты только не обижайся, – с неожиданной заботой произнёс Коля и положил руку ему на плечо. От этого прикосновения Виктора передёрнуло, но он стал безропотно слушать. – Но ведь в том-то и дело, что это ТЫ смог пробудиться и познать всё остальное. Сны – это всего лишь субъективное отражение нашего подсознания. Я предполагаю, что ты обуздал поток подсознания, и твои сны стали более упорядоченными, и это заставило тебя поверить, что сны это такая устойчивая форма... хм... Некоего ментального пространства, как ты говорил, в котором люди могут пересекаться друг с другом...

Виктор обречённо покачал потяжелевшей головой.

– ... Но это ещё вовсе не значит, что ты научился перемещаться в какой-то другой параллельный мир. Сны – это ж фантазия! – Коля убрал руку и постучал себя по виску, иронично улыбаясь. – То, что у нас в головах, да и только.

– Ты так говоришь, потому что ты... – Залевски на секунду замолчал, и внезапно из памяти донёсся грубый голос мужчины из его сна. Человека с жёстким лицом и бакенбар-

дами. – Потому что ты – *сновидец*, – с открытым призрением закончил он.

– Сновидец?

– Тот, кто только *видит* сны, – нехотя объяснил Виктор смысл понятия, который дошёл до него самого только теперь. – Непробуждённый. Поэтому всё то, о чём я тебе рассказал, кажется таким бредом, – он горько хмыкнул. – А ведь я тоже считал всё это бредом. И не верил Артуру, пока сам не пробудился.

Тонкие губы Виктора так и замерли в чуть приоткрытом положении, словно готовясь дать ход ещё каким-то словам, однако больше говорить со сновидцем ему не хотелось.

– Ну, ладно, – староста вдруг улыбнулся. – Если, как ты говоришь, сны – это параллельный мир в который попадают все спящие люди, в таком случае, почему бы тебе не найти меня там, к примеру, сегодня ночью? А? Пробуди меня, как тебя пробудил твой брат.

– Я пытался, – незамедлительно ответил Виктор чистую правду. – Я уже находил тебя в мире снов.

– Да неужели? – недоверчивые голубые глаза Коли прищурились в усмешке. – Видимо, нашёл, да пробудить не смог?

– Не смог, – глубоко разочарованно ответил Залевски. – Стражи почему-то не дали мне этого сделать. Пришлось проснуться раньше.

– Какие ещё «стражи», Вить?

– Та тьма, о которой я уже рассказывал...

– Ага. Ну ясно. А может, ты не смог, потому что это всё-таки невозможно?

– Возможно, – шепнул Виктор, вспоминая слова человека с бакенбардами: «Он даже не вспомнит нас, когда проснётся». Затем посмотрел на старосту. – Даже если я отыщу тебя, ты либо не вспомнишь этого, когда проснёшься, либо решишь, что я всего лишь плод твоей фантазии, как думал и я, когда Артур только начал мне сниться.

– Тогда, может, расскажешь, как это делается, и я попробую пробудиться самостоятельно?

Виктор покосился на Колю. В глазах старосты, за их простодушием и добротой сидело несокрушимое неверие. А без веры пробуждение невозможно. Виктор это точно знал. Он сам поверил слишком поздно. Да и возможно у него самого ничего бы не вышло, если бы не *стимуляторы* сна – таблетки из склянки с надписью «КОНТРОЛЬ». Таблетки, благодаря которым он пробудился, обрёл контроль над сознанием, но поплатился за это своей шеей.

Он ещё несколько секунд оценивающе глядел на Колю, гадая, как староста отреагирует, если сказать ему, что прежде чем попасть в мир «чудес», нужно употребить сомнительный препарат, попавший к Виктору при очень сомнительных обстоятельствах, и о сомнительном составе которого он сам даже боялся думать.

– Ладно, Вить, – протянул Коля, поднимаясь со скамейки, и легонько похлопал Залевски по плечу. – Мне уже, правда,

пора. Я и так засиделся. Марсианин прибьёт.

– Иди, – бесцветно буркнул Виктор, глядя в пустоту.

Но староста ушёл не сразу. Он отчего-то медлил, растерянно глядя то по сторонам, то на понурого сокурсника. Однорукий смотрелся среди других жизнерадостных студентов, точно грустная серая клякса на фоне беспечного зелёного пейзажа. Когда Коля вновь присел рядом, Виктор встретил его вопросительным взглядом.

– Слушай, – на этот раз с искренней тёплой улыбкой заговорил староста. – Мы тут на выходных собрались на зелёнку: шашлыки, рыбалка, костёр, гитара и всё такое. В честь нового семестра. Поехали с нами?

Все мышцы на лице Виктора, казалось, онемели. Оно ничего не выражало так долго, словно смысл таких слов как «шашлык» и «рыбалка» был ему абсолютно неясен. Но затем он будто ожил и благодарно улыбнулся в ответ:

– Я подумаю, спасибо.

Коля хлопнул себя по коленям и поднялся.

– Тут и думать нечего! – он хохотнул и поправил очки указательным пальцем, и всё так же в улыбке демонстрируя розовые дёсны. – Скорее выздоравливай и звони мне. У тебя же есть номер общежития?

– Да.

– Тогда буду ждать! Ну, счастливо!

Они пожали друг другу руки, оба зная, что Виктор не позвонит и никуда не поедет, а Коля при следующей встрече не

спросит «почему». Это устраивало обоих. Староста поднялся и торопливо зашагал к институту.

Виктор глядел вслед удаляющемуся силуэту, пока тот не скрылся за деревьями. Затем его взгляд вновь утратил фокус, упал куда-то в траву, затем в асфальт, и на носки старых, изношенных туфель без шнурков.

Он сидел так долго, пока не почувствовал бурю, вновь поднимающуюся из глубин воспоминаний.

* * *

Виктора одолевала злость. Ему хотелось отыскать в мире снов сплетников из библиотеки, отыскать Колю и натравить на них всех чёрных стражей, чтобы те превратили их сны в неопишуемые кошмары. И делать так каждую ночь, пока бы им самим не захотелось пробудиться и преодолеть этот густой душный ужас, сидящий в разорванных пастях чудовищ.

Затем он сел в трамвай и, тупо глядя на плывущий мимо город, смягчился и пожалел, что не рассказал Коле правду о шраме. Может, природа его возникновения убедила бы старосту, что мир снов реален. Но он тут же отбросил эту идею. Если бы он рассказал, что получил ожог во сне, а тот вдруг возник и в реальности, староста точно побежал бы к ректору, и тогда Виктор бы уже ехал в сумасшедший дом. *Коля добрый парень, но слишком трусливый и ответственный.*

Решив, в конце концов, просто забыть об этом дурацком дне и ни с кем больше не говорить о мире снов, Виктор прижался к нагретому солнцем окну и прикрыл глаза, стараясь

отныне думать только о своих поисках.

* * *

Однажды ему всё же удалось увидеть ту девушку во сне. Но она оказалась лишь проекцией. Черты её лица, как и фигура, и одежда менялись ежесекундно. Полный разочарования Виктор проснулся, не в силах выдержать присутствие собственного неумелого творения.

Почти месяц безрезультатных поисков и недосыпа, из-за которого он худел и путал время, отключался на лекциях и в автобусах, завершился простым осознанием, пробившимся в утомлённый разум так же, как солнечный луч пробивается через завесу туч.

Ну конечно, засмеялся про себя Виктор и шлёпнул ладонью по лбу. Я ведь сам заставил ту дверь исчезнуть, когда спасался от стражей. Наверняка и комната теперь находится в другом месте. Значит, не удастся найти ни дверь с цифрой «43», ни других, пока они сами со мной не свяжутся.

Вернувшись домой тем ранним вечером, Виктор бросил ключи на обувную полку, скинул одежду прямо в прихожей, прошагал в спальню и раскрыл вечно задёрнутые шторы. Затем приоткрыл окно, за которым лениво моросило и жужжал утопающий в закате проспект. Застоявшийся воздух комнаты встрепенулся. Скопившаяся за месяц пыль поднялась с письменного стола и подоконника. Высохшие цветы в горшках дрогнули.

Виктор блаженно наполнил грудь свежим воздухом и, рух-

нув на кровать, мгновенно провалился в забвение. Пробыв там до самой ночи, он пробудился. И, наконец, увидел её.

Глава 4. Комната без стен

Где-то неподалёку послышался нежный женский смех. Что-то зашелестело от ветра и раздалось хлопанье крыльев.

Виктор открыл глаза и обнаружил себя лежащим в траве под тенью старого дерева с кривым стволом. Красно-рыжая листва колыхалась, но не собиралась срываться. В просвете между серых ветвей, на фоне голубого неба, пролетала стая птиц.

– Эй, ты здесь? – зазвучал голос на этот раз ближе.

Виктор не сразу узнал девушку, вышедшую из-за деревьев на солнечный свет. На ней был лёгкий походный костюм: тонкие сапожки, штаны защитного цвета, свободно сидящая на стройном теле клетчатая мужская рубашка с подвёрнутыми рукавами, маленький рюкзак за спиной. Кожа на открытых участках рук и на лице теперь не казалась такой сияющей, а имела персиковый оттенок. Волосы, изрядно отросшие в сравнении с прошлой встречей, теперь были сплетены в косу, спускающуюся через плечо до уровня груди. Лишь увидев шрам возле виска, и встретившись с ясными синими глазами, Виктор узнал *Аню* и резко оторвал тело от земли.

– Ты чего тут разлёгся? – с улыбкой спросила девушка, остановившись в метре от него.

Растерянный Виктор присел спиной к стволу и тут же отпрянул – кора дерева оказалась твёрдой – точь в точь, как в

реальности.

– Эй, ты в порядке? – незнакомка чуть склонилась, и в свесившейся косичке показалось небольшое пёрышко, явно попавшее сюда случайно.

– Как будто бы, – на выдохе ответил Виктор, отыскав дар речи.

Девушка выпрямилась.

– Тогда вставай, – с красивых губ слетел тихий смешок. – Нельзя же целый день тут проваляться. А то можно подумать – ты вообразил себя Ньютоном и вот-вот откроешь что-нибудь важное.

Виктор поглядел вверх и, разглядев на ветвях жёлто-красные яблоки, сконфужено улыбнулся.

– Зачем мне воображать себя Ньютоном? – спросил он, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от лесного мусора.

– А зачем же ещё тебе понадобилось валяться под моей яблоней?

Девушка шагнула ближе и едва ощутимыми прикосновениями стала стряхивать еловые иглы и кусочки коры с его рубашки. Виктору сделалось неловко, и всё же он решил воспринять это как должное. *В мире снов вообще лучше всё воспринимать как должное, иначе велик риск заплутать в мелочах.*

– Если я – Ньютон, тогда ты – Оцеола, – Виктор нерешительно потянулся левой рукой к её волосам, и, только со второй попытки вытащив нежное пёрышко, продемонстрировал

его девушке, всё так же скромно улыбаясь куда-то под ноги.

Девушка тепло улыбнулась и приняла дар. На мгновение их пальцы соприкоснулись. Виктор почувствовал, как глупо краснеет, и спешно опустил руку, а другой почесал затылок.

– А кто такой Оцеола? – вдруг спросила она, и Виктор почти изумился подобному незнанию, но девушка только громче рассмеялась. – Да я шучу. Я знаю, кто такой Оцеола, – она бережно спрятала пёрышко в карман куртки и зашагала в сторону тропинки, виднеющейся неподалёку. – И всё же, я бы предпочла быть Покахонтос.

– Постой!

Девушка обернулась.

– Ты ведь, ты ведь, – запинаясь в нерешительности Виктор, и всё же спросил, глядя в синие глаза. – Ты настоящая?

На лице девушки отразилось лёгкое удивление:

– Конечно, – она улыбнулась на один бок и вновь направилась к тропинке, осторожно обступая камни, таящиеся среди ковра из старых листьев и хвои. – Я сноходец, – бросила она через плечо, когда Виктор зашагал следом. – Пробуждённая, как и ты.

– Прости, если обидел. Просто я никогда прежде не встречал других пробуждённых... А как тебя зовут? – спросил Виктор, хотя помнил её имя.

– Аня.

– Аня... – почти неслышно повторил он и громче добавил. – А я – Виктор.

– Приятно познакомиться, – она отвесила ему вежливый кивок. – Хотя лучше бы тебе придумать прозвище, пока есть время.

«*Время?*», – хотел спросить Виктор, но споткнулся об камень и едва не упал. К счастью, уверенно шагающая впереди Аня ничего не заметила.

Они вышли на тропинку, ведущую на вершину холма, поросшего хвойными деревьями.

Виктор пытался распознать возраст Ани, разглядывая то её стройную фигуру, то лицо, когда она коротко оборачивалась, проверяя, не отстаёт ли он. Благодаря таящемуся в глазах холоду океанской пучины, скованной льдом, игриво поблескивающим на солнце, девушка выглядела немного старше него, хоть и была ниже ростом. *Двадцать один год, не больше.*

– А можно спросить? – произнёс Виктор и внезапно обнаружил у себя одышку.

– Попробуй.

– А где ты живёшь? Я имею в виду – в реальности... Откуда ты? – Виктор едва поспевал за девушкой.

– Из Советского Союза, – уклончивым тоном ответила Аня.

– Я тоже... А откуда конкретно?

Вместо ответа девушка вдруг обернулась к нему и, продолжая шагать спиной вперёд, с улыбкой заговорила бесстрастным голосом, к тому же, ничуть не сбивая дыхания:

– В мире снов лучше никому не говорить, откуда ты. Чем меньше сноходцев знают о твоей реальной жизни, тем лучше.

Заметив на лице Виктора озадаченность, Аня добавила:

– Мир снов – это мир снов. А реальность – это реальность. Так что, чем лучше ты будешь различать, где одно, а где другое, тем больше у тебя шансов не сойти с ума.

Виктор посерьёзnel и кивнул в знак понимания, хотя на деле объяснение показалось ему крайне размытым. Но он не стал допытываться, боясь совершенно задохнуться, так и не осилив подъём.

На вершине перед ними открылся вид на равнину, раскинувшуюся у подножия холма. Впереди, от горизонта до горизонта раскинулось необъятное рыжее поле, где среди ржаных колосьев, стоял одноэтажный фермерский домик, окружённый редко посаженными садовыми деревьями и тройкой старых ветряных мельниц с тонкими металлическими стеблями и сверкающими на солнце жерновами. Справа, в тени дома, скучали одинокие качели, привязанные к ветви старого дуба.

Виктор дышал тяжело, ноги ныли. Аня же невозмутимо оглядывала равнину.

Только бы она сейчас на меня не посмотрела, думал Виктор, надеясь, что Аня не посчитает его таким слабаком, каким сейчас он считал себя сам.

– Что с тобой? – всё же спросила девушка.

– Чёртов Ньютон, – отшутился Виктор, смахивая рукавом рубашки пот со лба. – Либо я слишком глубоко уснул, либо здесь что-то не так с гравитацией. В этом месте сила притяжения определённо сильнее, чем в реальности.

– Правда? – Аня растерянно посмотрела на пыльную землю и пошаркала в ней носком ботинка. – А я так привыкла к ней, что и не замечаю. Что ж, я могу это исправить...

– Исправить? – Виктор не поверил ушам и встретился с Аней взглядом. – Это шутка? Просто, я был уверен, что всё дело в глубине сна.

– Нет, – Аня покачала головой. – То есть, глубокий сон, конечно, создаёт иллюзию реальности, которую можно чувствовать телом, но сейчас это, скорее всего, ни при чём. Просто мы в моём подсознании, а здесь всегда так.

– *В твоём подсознании?* – Виктор вытаращил глаза.

– Да. Мой сон, моё подсознание. Точнее, его отражение. Называй, как хочешь, суть от этого не изменится, – Аня говорила легко и, даже, немного небрежно. – Но в нашем узком кругу мы зовём это *комнатами*, чтобы избегать бесконечных бесполезных споров о том, что это всё же такое: отражение разума, подсознание, или изнанка мозга. Просто – комната. Так решили. Так они и называются.

– А кто решили?

– Не знаю. Кто-то, – Аня улыбнулась и пожала плечами.

– Вот так запросто, кто-то решил и всё?

– Ну, кто-то же назвал дерево деревом или океан океаном.

Важно ли, кто был первым?

Виктор ещё раз окинул взглядом долину и спросил:

– Выходит, раз это твоё подсознание – это... твой мир?

– Ага.

– И ты можешь менять здесь законы физики?

– Вообще-то, в мире снов законы физики отсутствуют в принципе. Есть только иллюзии этих законов, которые мы воспринимаем за действительность в зависимости от глубины сна. Ты, наверное, и сам это уже замечал. Но, в общем, ты прав. Мой мир – мои правила. И мои «законы физики», – Аня убрала чёрную прядку со лба.

– То есть, находясь в твоей комнате, я подвергаюсь воздействию твоих иллюзий?

– Если у тебя невысокая концентрация самосознания, то да, – девушка окинула Виктора быстрым сканирующим взглядом и улыбнулась. – А он у тебя в данный момент невысок. Попробуй сдвинуть камень. Мысленно.

Виктор обернулся, увидел лежащий у обочины камень, сосредоточился, но камень не шелохнулся. Почему-то казалось, сама идея о подобном «волшебстве» абсурдна сейчас так же, как была бы абсурдна в реальности.

– Твой разум истощён, – объяснила Аня, и они зашагали дальше. – Сознание ослабленно. Сейчас тонкой энергии в тебе едва хватает на то, чтобы удержать контроль и не провалиться мёртвым сном.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Вижу.

– Видишь?

– Ну да, – мягко произнесла девушка. – Подожди-ка...

Она прикрыла глаза, изящные брови её чуть заметно напряглись в сосредоточенности. Внезапно незримая горячая хватка боли в ногах Виктора ослабла. Шагать стало легче, и лёгкие, наконец, свободно наполнились воздухом.

– Ну как, лучше? – Аня подмигнула, встретив восторженный взгляд Виктора, и предупредительным тоном добавила. – Но особенно не расслабляйся. Это в виде исключения, раз уж ты гость. Дойдём до дома, и я верну всё обратно.

Виктор благодарно кивнул и, спустя несколько метров, когда необъятная равнина и яркое синие небо с лёгким шлейфом перистых облаков стали всё приветливее расстилаться перед его восторженным взором, то заговорил вновь:

– То есть... всё это... Всё кругом, это всё в твоей голове? Часть тебя самой?

– Это не совсем так, – протянула Аня и сделалась серьёзнее. – Это лишь отражение какой-то части меня... Как бы объяснить... Представь художника, который изобразил что-то, что обычно не увидишь. Что-нибудь абстрактное. К примеру – созидание. У каждого в голове свой образ при этом слове. Так вот всё это вокруг – мой холст, а я – художник. Так что, пока ты здесь, ты видишь то же, что вижу я. Ну, или то, что я тебе позволяю видеть.

– Подожди, – Виктора вдруг осенило.

Он завертелся, вглядываясь то в тени между деревьев, то в тёмные могучие стволы.

– А где стражи? – спросил он.

– Стражи? – Аня на мгновение задумалась, но быстро догадалась. – Ах, ты про хранителей?

– Ну да, ну да, – Виктор понял по взгляду девушки, что задаёт столько вопросов, на сколько она отвечать не рассчитывала.

– А с чего им быть здесь? – спросила она недоумённо, но, когда Виктор глупо пожал плечами, пристально посмотрела ему в глаза. – Постой, ты что, раньше никогда не бывал в комнатах?

Он отрицательно покачал головой.

– И даже в своей? – в глазах девушки вспыхнуло изумление.

Виктор коснулся указательным пальцем губ, задумчиво глянул в небо, и затем снова покачал головой.

– Подожди, но как же... – Аня шагнула к нему, остановилась, и, коснувшись кончика косы, отступила, собираясь с мыслями. – Как же ты попал на пустую территорию? И как научился держать контроль и продержался так долго с хранителями? – она подозрительно прищурилась. – Постой, ты вообще понимаешь, о чём я говорю?

Он в третий раз отрицательно покачал головой и ощутил жар стыда до самых ушей.

– Хорошо, постараюсь объяснить...

Девушка коротко огляделась, затем подошла к ближайшему дереву, подняла из травы сухую ветку и, вернувшись к Виктору, заговорила вновь, ловко обдирая с ветки мелкие сучки:

– Смотри, это – мир снов, – она начертила на коричневой сухой земле неровный круг. – А это, – палка изобразила внутри круга ещё два, поменьше. – Наши комнаты. Вот эта красивая – твоя, а эта корявая – моя, понимаешь?

Виктор почувствовал на себе Анин взгляд, но от плана глаз не отвёл, только кивнул.

– А это, – Аня принялась усердно заштриховывать всё пустое пространство внутри круга, не задевая «комнат». – Всё это мы называем общей территорией мира снов. Некоторые – мёртвой территорией, но это, опять же, без разницы. Размеры её бесконечны. Жизни не хватит, чтобы всё исследовать. Долго находится там опасно... – девушка запнулась, словно решаясь, говорить дальше или нет. – Опасно по разным причинам. Но в основном из-за хранителей. Они вроде хозяева общей территории и страшно не любят нас, сноходцев.

– Это я заметил. Но почему?

Девушка расслабленно выпрямилась и чуть склонила голову, глядя на рисунок:

– Сложно объяснить. О хранителях никто толком ничего не знает. Но то, что они не любят, когда мы что-то меняем на общей территории, к примеру – пространство, или приносим свои проекции, это факт.

– А почему здесь их нет? – Виктор махнул рукой. – В твоей комнате?

– Хранители обитают только на общей территории, и попасть к кому-то в подсознание, – Аня указала палкой на незашифрованные островки. – Они не могут. Для них чья-либо комната – место недостижимое, только если владелец комнаты сам не запустит их внутрь.

Виктор усмехнулся:

– Зачем кому-то запускать этих тварей к себе в подсознание?

– Причины могут быть разные, – спокойно ответила Аня, но в голосе её послышался странный холодок.

– И какие же?

– Например, для защиты.

– Для защиты? Но от чего?

– От кого, – поправила его девушка и отвела взгляд. – От других сноходцев, например.

Виктор не понимал, но задавать очередной вопрос не решался.

– Порой они куда опаснее хранителей, – смягчившись, сказала Аня. – Впрочем, ты сам в этом ещё убедишься, – она отбросила палку в сторону и, подтянув лямки рюкзака потуже, посмотрела на Виктора с неожиданной ободряющей улыбкой. – Отдохнул?

– Вроде, – ответил он, всё ещё изучая импровизированную карту мира снов и пытаясь запечатлеть изображение в

памяти. – Выходит, подсознание, то есть, комната каждого человека – это ещё один небольшой мир внутри мира снов?

– Так и есть.

– А что происходит с комнатой, когда человек умирает?

– Ничего, – ответила Аня. – Его подсознание умирает вместе с ним, а всё, что он проецировал в комнате при жизни, становится частью общей территории, – она подняла ногу и опустила на свой пыльный островок, разрушая его границы. – Комната умершего человека становится пустой локацией и переходит во владения хранителей.

– То есть, в теории, в мире снов можно отыскать подсознание любого человека, когда-либо жившего на земле?

– Не подсознание, а его пустую оболочку. Это как тело мертвеца – узнать знакомые черты можно, но внутри – пусто. В нём никого. Так и здесь. Но, в целом ты прав. Отыскать в мире снов можно что угодно.

Аня сравнивала их островки с землёй, грустно улыбаясь пыльному облачку под ногой. Внезапно Виктор ощутил далёкую чужую скорбь и тихо произнёс:

– Вся общая территория – это сны давно умерших людей.

Девушка согласилась молчанием.

– Понятно теперь, почему мир снов такой необъятный, – более непринуждённо добавил Виктор и постарался улыбнуться.

– Давай не будем о печальном, – уверенно сказала Аня.

– Да. Не будем.

– Лучше вернёмся к тебе, – их взгляды встретились. – Ты – самоучка? – спросила она с прежней дружеской улыбкой.

Виктор смутился и, закинув руку за голову, почесал затылок:

– Да. К сожалению, в университете не было факультета по осознанному снохождению. Так что, пришлось поступить на педагогический.

Они засмеялись и вновь двинулись вниз, к ржаной равнине и домику с мельницами.

– Значит, всё, чему ты научился в мире снов, ты научился сам, блуждая по общей территории среди хранителей?

– Как будто бы да. А что в этом особенного?

– Что особенного? – с губ Ани слетел добродушный смешок. – Осознанное снохождение – это не рисование или спорт. Ты первый самоучка, которого я встречаю в своей жизни. У всех, кого я знала, были наставники. Остальные, как правило, либо трогаются умом, либо утрачивают способность различать явь и сон... Давно ты пробудился?

– Весной... выходит, полгода назад где-то, – прикинул Виктор, провожая взглядом последние сосны – дальше холм порастал диким шиповником.

– И сколько в среднем ты ходишь во снах?

– Часа три каждый день.

– Выходит, если в среднем по три часа в день... – девушка вскинула взгляд к ослепительному от солнца небу. – Это почти шестьсот часов в реальности... А, значит, около трёх

тысяч в мире снов! – она посмотрела на Виктора и на этот раз в её глазах были уважение и восторг. – Неплохо! Совсем неплохо!

– Я не совсем понимаю твоих расчётов, – признался Виктор.

– Разница восприятия времени в реальности и сне – один к пяти. Во сне мозг работает эффективнее. Скажем, час твоё тело спит дома, в кроватке, с книжкой об индейцах под подушкой, и за это же время ты пять часов плутаешь по общей территории и нервируешь несчастных хранителей. Эх, бедные, бедные арлекины... – тихо запричитала Аня.

Виктор нахмурился, а девушка только шагнула к нему и легонько толкнула в бок, задев левую руку, от чего он залился краской и нервно покосился на свою фантомную конечность. Он ничего ей не чувствовал, однако мог шевелить и выглядела она точь в точь как настоящая – ещё один плюс отточенного навыка имитации.

– Не обижайся, – примирительно произнесла Аня. – Просто ты чудной.

– Я? Чудной? – подавляя внезапное раздражение, спросил Виктор.

– Да. Хотя, чего тут удивляться. Полгода наедине с хранителями – шутка ли? Как ты вообще сохранил рассудок?

– А как давно ты пробудилась? – спросил он, желая прервать насмешки и сменить тему.

Девушка ответила не сразу. Она с задумчивой улыбкой

смотрела куда-то в пространство, а затем тихо выдохнула:

– Очень давно...

Солнце припекало. Аня сняла рубашку и повязала её на пояс. Под белой майкой, облегающей тонкую талию, показались два белых холмика, от которых Виктор с трудом отвёл взгляд. Девушка подула себе на лоб, слегка выпятив вперёд нижнюю челюсть. Это показалось Виктору странным. Жара определённо доставляла девушке неудобство, несмотря на то, что она вмиг могла обратить её в прохладу.

И это я ещё чудной? – подумал Виктор, но на этот раз промолчал.

Они приближались к невысокому деревянному домику, который уже внешним своим видом внушал доверие и гостеприимство: блестящие от олифы стены, напитанные солнечным теплом; чисто вымытые, но слегка запылившиеся от жары и зноя окна; скромный узкий порог; хлипкая, на первый взгляд, деревянная дверь с разноцветной стеклянной вставкой. Не считая вишнёвых деревьев, трудящихся вхолостую мельниц и старых качелей, дом окружало золотистое море ржи, тянувшееся до далёких заснеженных гор на горизонте.

– А тот мужчина. Он твой учитель? – спросил Виктор, и неожиданно Аня бросила на него почти возмущённый взгляд, точно он спросил что-то непристойное или личное, но уже через секунду спокойно ответила.

– Его зовут Гуру. Он был моим учителем.

– Каково это, когда есть учитель?

– Даже не знаю, – протянула Аня и искренне улыбнулась. – Наверное, не так интересно, как набивать шишки самому.

Виктор тоже улыбнулся.

– Обычно тренировки проходят в комнате опытного сноходца перед тем, как новичок выходит на общую территорию. Учитель впускает ученика в своё подсознание и...

– Впускает, как ты впустила меня в комнату «43»? – перебил её Виктор.

– В *эту* комнату, – поправила его Аня, взойдя на порог, в прохладную тень дома.

Виктор недоверчиво огляделся:

– Да ладно? *Всё это* продолжение той же самой комнаты? Как же я тогда оказался здесь на этот раз? Я же не прошёл через ту дверь в коридоре...

Аня взялась за старую деревянную ручку. Дверь поддавалась, чуть скрипнув, и из глубины дома хлынуло освежающей прохладой, и внезапно послышался ясный переливчатый звон.

Виктор наклонился, чтобы не удариться о низкий проём, проходя за девушкой, и едва не клюнул носом в зелёные металлические колокольчики с выгравированными на них ангелами. Они соединялись между собой чем-то вроде нейлоновой струны и были подвешены к ночнику, торчавшему над дверью. Колокольчики звенели и переливались, отбрасывая на светлые стены прихожей трусливых солнечных зайчиков. Виктор осторожно прикрыл дверь, продолжая разглядывать

чудесное изделие, но Аня окликнула его, и он обернулся.

– Узнаёшь? – спросила она.

Он узнал. Место из прошлого сна. Комната «43». Точнее, теперь он видел, что это целый дом, состоящий из комнаты и прихожей-кухни, разделённых стеной с пустым проёмом. Стены обеих комнат были отделаны светлыми деревянными досками. Благодаря этому кухня выглядела довольно просторно, несмотря на свой небольшой размер и невысокий потолок. Возле окна, украшенного тюлем, стоял столик и пара стульев. У противоположной стены притаились потёртый шкафчик с кухонной утварью и маленькая газовая плита. В углу, у другого окна, располагалось старое кресло с красной обивкой.

Аня позвала Виктора в комнату, и та оказалась чуть больше кухни и с потолками повыше. В углу стояла уже знакомая кровать, заправленная синими одеялами, а на окнах висели бежевые занавески, как и раньше, раздуваемые ветром. Только нигде не было ни листьев, ни старых игрушек, ни...

Виктор пригляделся к торцевой стене, посреди которой находился неестественный, слишком грубый для лёгкости этого дома, заложённый кирпичной кладкой дверной проём.

– Я же пришёл отсюда в прошлый раз! Здесь была дверь! – сказал Виктор, обернулся, и, не увидев Аню, вернулся в прихожую.

– Ага, – девушка сбросила рюкзак на стол, повернулась к окну и, сцепив пальцы обеих рук на затылке, сладко потяну-

лась, так что на миг обнажился плоский животик. – Была, пока ты не заставил её исчезнуть.

– Прости, я не хотел. Это вышло как-то само собой! Я лишь пытался скрыть следы.

– Да, забудь, – девушка искренне отмахнулась. – Двери – это ведь просто формальность. Дань мира снов нашей привычке всё упорядочивать. Так говорит Гуру.

Виктор подошёл к Ане и тоже посмотрел в окно, где мельницы по-прежнему молотили солнце, и переливалось всеми оттенками золота ржаное поле.

– Я долго бродил по коридору дверей, – тихо заговорил Виктор. – И всё гадал, что же за ними? Но никогда бы не подумал, что за ними такие огромные комнаты...

– Думаешь, так и во всех остальных? – Анины глаза блеснули от улыбчивой гордости. – Всё зависит от хозяина комнаты. Тем и прекрасен мир снов, что твой мирок здесь не обязательно должен ограничиваться стенами. Твоя комната – это визуализация твоего подсознания, и ты сам решаешь, какой она будет, какая будет погода, гравитация, и всё, что пожелаешь.

– Это потрясающе, – невольно выдохнул Виктор, переполненный восхищением. – Потрясающе...

Он посмотрел на Аню и внезапно лёд синих глаз снова обжёг. Ему неожиданно захотелось обнять девушку, но он мысленно осадил себя за неуместный порыв. Виктор с трудом отвёл взгляд и спросил:

– Но я так и не понял, как же я попал сюда во второй раз, если не через дверь?

– Телепортировался, да и только.

– Но я ничего такого не...

– Это произошло не осознанно, я полагаю.

– А можно телепортироваться в мире снов осознанно?

– Конечно. Между локациями или комнатами, в которых ты бывал раньше. Здорово экономит время. Со временем ты научишься этому

– Но как же я телепортировался к тебе и даже не понял этого?

– Наверное, так случилось, потому что моя комната – пока единственное доступное и безопасное для тебя место.

Логично, разочарованно подумал Виктор. Собственной комнатой он пока не обзавёлся, а оказываться в измотанном состоянии во владении хранителей опасно. Он бы вновь оказался в кошмаре. Вот интуиция и выбросила его сюда, где нет этих тварей.

– Я теперь каждый раз буду пробуждаться здесь?

Аня засмеялась:

– Думаю, это ни к чему. Гуру поможет тебе отыскать *твою собственную* комнату.

– Гуру поможет?

– Да. Кстати, он уже на подходе.

Виктор всмотрелся в окно.

– Ты же никуда не торопишься? – спросила девушка, за-

метив его озабоченность.

– Нет.

– Чудно! Он очень хотел с тобой встретиться.

– Но для чего?

– Чтобы учить тебя.

Виктору вновь захотелось спросить, но выставлять себя полным идиотом не хотелось.

– Знаю, у тебя много вопросов, – Аня шагнула к нему и с заботливым сочувствием заглянула в лицо.

От этого взгляда и нежного минорного голоса на душе у Виктора стало чуть спокойнее.

– Потерпи ещё немного, – сказала Аня. – Будет лучше, если на них ответит Гуру. Он знает куда больше, чем я. Да и объясняет доходчивее. И ему это, можно сказать, в радость. На то он и Гуру, – девушка тепло мигнула уголками глаз и посмотрела в окно. – Кстати, вот он.

Пыльной тропой к дому не спеша приближался широкоплечий, высокий, одетый в сине-серый костюм мужчина, чей пристальный взор Виктор ощущал на себе даже издалека.

Глава 5. Слово Ньютона

– Анечка! – с порога поприветствовал девушку Гуру и шагнул внутрь, отчего комната словно стала меньше. – Твоя любимая гравитация сведёт меня в могилу, – добавил он размеренным баритоном.

– Ты же знаешь, так я увереннее стою на ногах, – ответила Аня, протягивая ему салфетку.

– Но зачем же мучать остальных? – мужчина промокнул лоб и сунул салфетку в карман. – Проложи рядом с тропинкой траволатор для гостей что ли.

Надо же, подумал Виктор, всё ещё стоя у окна. С виду такой сильный, а ведь и он запыхался, пока дошёл сюда. Выходит, в своей комнате Аня сильнее, или, по крайней мере, выносливее нас обоих.

– Ненавижу что-то менять, сам знаешь, – язвительно произнесла Аня.

– Тогда позволь мне.

– Ненавижу, когда кто-то что-то меняет в моей комнате, *сам знаешь*. И к тому же, в твоём возрасте полезно размяться, – Аня прошагала к креслу в углу комнаты, и, взяв с комода старую книгу с закладками, села.

– Я просто пытался пошутить, – Гуру задумчиво улыбнулся, как часто улыбаются люди, которым давно за сорок.

Аня закинула ногу на ногу, раскрыла книгу и спряталась за обложкой «Искусство чаеварения».

– И самоучка снова здесь, – произнёс Гуру не то с радостью, не то с горечью, наконец, обратив внимание на Виктора.

– Я же говорила, что он вернётся, – глухо прозвучало за книгой.

– Здравствуйте, – Виктор шагнул навстречу мужчине и протянул руку, но тот только грузно сел за пустой стол.

Виктор невольно напряжённо повёл челюстью и поспешно опустил руку. Аня едва слышно усмехнулась, заметив его конфуз, и он мысленно окрестил Гуру *старым хамом* и пообещал отплатить при первой же возможности.

– Так и будешь стоять над душой? – выпалил Гуру и сердито взглянул на него исподлобья. – Садись, – приказал он, и второй, задвинутый ранее стул, сам собой выехал к самоучке.

Виктор покосился на Аню, к счастью, слишком увлечённую книгой, и сел, ещё больше ненавидя этого *амбала* с чёрными акульными глазами и *дурацкими* бакенбардами.

– Я – Гуру, – представился мужчина. – Аню ты уже знаешь. Как же нам тебя звать?

Виктор не успел раскрыть рта, как Гуру перебил:

– Настоящее имя забудь. В мире снов лучше представляться прозвищем.

– У меня нет клички, – ответил Виктор. – Но я что-нибудь

придумаю.

Гуру громко хлопнул по столу ладонью. Самоучка вздрогнул.

– Ты же не сценический псевдоним выбираешь, мальчишка, – мужчина властно упёрся обеими руками в край стола, выпрямился и с надменным блеском в глазах посмотрел на самоучку сверху вниз. – Говори первое, что придёт в голову, и не трать наше время.

– Я не...

– Ничего не приходит? Тогда решено! Будешь Самоучкой.

Виктор почти не знал Гуру, но уже ненавидел его привычку задавать вопросы и отвечать на них раньше собеседника. Этот титан говорил так быстро, будто намеренно стремился обогнать мысль, но на деле, как Виктор понял намного позже, это была лишь привычка опытного сноходца. Ведь в мире снов всегда нужно действовать чуть быстрее, чем думаешь, чтобы хранители не успели прочесть твои мысли и распознать намерения.

– Ничего не приходит в голову, – отчаянно выдавил сквозь зубы Виктор, уже смиряясь с новым именем.

– *Ньютон!* – вдруг ворвался в их разговор мягкий голос Ани.

Оба они повернулись к девушке.

– *Нью-тон*, – не отрываясь от книги, повторила она. – Пусть будет Ньютоном.

– Я не против, – Виктор вздохнул с облегчением.

Аня чуть опустила книгу, и уголки её глаз выдали улыбку.

– Не чёртов Опенгейер, и ладно, – отмахнулся Гуру и вновь уставился на новонаречённого буравящим взглядом. – Знаешь, почему ты здесь, Ньютон?

– Аня сказала, вы будете учить меня...

– Какая самонадеянность! – Гуру ещё раз хлопнул по столу и подался ближе к Ньютону. – Ты здесь, прежде всего, потому что Аня считает, будто у тебя талант. А я лично считаю – ничто так не препятствует прогрессу, как талант. Так что, задам ещё один вопрос. Почему снохождение так тебя манит?

Ньютон не имел заготовленного ответа, хотя нередко рассуждал на эту тему сам с собой. Конечно, в мир снов его привела вполне очевидная причина – его покойный брат. Однако, с того времени миновало полгода, и всякие надежды когда-либо встретиться с ним снова давно угасли.

– Наверное... – начал он отвечать, но Гуру вновь перебил.

– Никаких «наверное». Я задал чёткий вопрос, дай чёткий ответ.

– Я ищу познаний, – ответил Ньютон, проглотив нервный комочек.

– Что ж, институт тебе в помощь, или энциклопедии, – мужчина усмехнулся. – Чего же ты в мире снов позабыл?

– Я учусь в институте... и много читаю там, в реальности, но, – Ньютон осмелился посмотреть в тёмные, почти такие же бездонные, как у хранителей, глаза Гуру, и внезапно по-

чувствовал себя увереннее. – Это не те знания, которые я ищу. Эти знания пригодны лишь для реальности, – он заметил боковым зрением, что Аня смотрит на него оценивающе. – А мне мало реальности. Точнее, – он отвёл взгляд, и «почва» вновь стала уходить из-под ног. – Я чувствую себя чужаком в том мире. Будто не в нём моё место. И ещё, словно он... рушится! Неисправимо рушится...

Гуру прервал его, выставив вперёд широкую ладонь.

– Значит, прячешься от реальности, надеясь создать здесь собственную утопию? – Гуру вдруг помрачнел. – Вот, что я тебе скажу, юноша. Реальность плоха не сама по себе, а потому, что люди сделали её такой. Люди, которым плевать на всё и всех, кроме себя. От таких людей хранители и защищают мир снов.

Мужчина откинулся на спинку стула и заговорил громче:

– Быть сноходцем, это не только заслуга, но и привилегия. Если ты жаждешь знаний, которые даются не всем, только потому, что реальность тебе опостылела... Если только от того, что тебе повезло пробудиться, ты решил, будто какой-то особенный и здесь твоё место... – он сделал выжидающую паузу и махнул рукой в сторону двери. – Тогда проваливай отсюда! И забудь об этом разговоре.

– Но я...

– Не утруждайся! – Гуру скривился. – Я вижу таких, как ты, насквозь. Ты не талант. Просто ты одинок, на что-то зол, не можешь научиться жить в реальности, а значит, и здесь те-

бе делать нечего. Так что, ступай, и мой тебе совет, – мужчина приблизился к лицу Ньютона, и его широкие брови грозно сомкнулись над акульей переносицей. – Не возвращайся в мир снов.

Ньютону показалось, что мужчина сейчас раздавит его взглядом. Не находя слов, он растерянно посмотрел на Аню, но та лишь пожала плечами и изобразила соболезнование. Тогда, почувствовав жгучую обиду на этих опытных сноходцев, втянувших его во всё это и осмеявших, Ньютон встал, с грохотом отодвинув стул, и уверенно направился к выходу.

Он уже потянулся к дверной ручке, как вдруг застыл перед колокольчиками, качнувшимися и звякнувшими перед его лицом. Ангелы сверкнули в свете заходящего солнца, озарив бликами комнату. Комнату, в которую Ньютон попал с таким трудом и которую совершенно не хотел покидать.

Он отступил, сжал кулаки и повернулся к Гуру. Тот встретил его любопытным взглядом.

– Знаете что, – решительно начал Ньютон, глядя в глаза обидчику. – Возможно, у вас больше знаний и опыта, чем у меня. Возможно, вам обоим повезло с учителями, – он перебежал взглядом с Ани на Гуру. – Повезло, что кто-то в своё время принёс вам готовое знание. Но это не даёт вам права решать, кому место в мире снов, а кому не место! – сердце, казалось, сейчас выпрыгнет, но Ньютон уже не мог остановиться и глядел только на Гуру. – И, тем более, вы не смеете оскорблять меня! Мир снов – не ваша собственность! Кем

бы вы ни были. А реальность потому так и отвратительна, что в ней правят такие, как вы! Те, кто якобы лучше знают, где чьё место и что кому делать! Да, я – самоучка, и привела меня сюда, может удача, или везение, но я не хуже вас знаю цену пробуждения! – Ньютон одёрнул воротник рубашки, и кожа на шее, от уха до ключицы, вмиг покрылась шрамом от ожога, и взгляд Гуру чуть смягчился. – Я знаю, каково это, обжигаться во сне и получать шрамы в реальности! Знаю, как выживать в мёртвой территории! За этот опыт я платил не раз. И всё равно я возвращался, снова и снова!

Он убрал руку от воротника, и шрамы исчезли.

– Вы сами меня выбрали, – сказал Ньютон, чуть отдышавшись, и взглянул на Аню. – Ты выбрала!

На лице девушки застыла неуверенность, словно она не знала, как реагировать. Ньютон вновь обратился к Гуру:

– А вы, вы, вы... – не в силах подобрать наиболее деликатного слова, он просто отмахнулся. – Мне не нужен такой учитель, который считает, что мир снов принадлежит ему! Не вам решать, что мне делать, а чего не делать! Мир снов принадлежит всем. Всем! Кому снятся сны.

Закончив, Ньютон услышал победоносно звенящую тишину. Гуру сидел полный беспристрастности. Аня, подперев подбородок кулаком, задумчиво глядела куда-то в пустоту и покачивала ногой в воздухе.

Ньютон вновь повернулся к двери, и сзади неожиданно раздался командный голос поднявшегося со стула Гуру:

– Встречаемся завтра. В коридоре дверей. Выспись и отдохни. Я найду тебя.

Не поверив ушам, Ньютон обернулся.

– Научу тебя, как не нервировать хранителей, – тонкая линия рта рассекла лицо учителя скупой кривоватой улыбкой, и на его щеках и вокруг потеплевших, уже вовсе не страшных глаз проявились морщинки. – А заодно найдём твою комнату.

Глава 6. Бункер

Ньютон дожидался Гуру в коридоре дверей, в сумеречном закутке, похожем на лифтовую площадку заброшенного отеля.

На стенах лоснились закопчённые алые обои. Напротив двух заклиненных лифтовых дверей, в окружении разбитых цветочных горшков и пары ржавых инвалидных кресел стояла скамейка. Над ней висело грязное, ничего не отражающее зеркало.

Ньютон хотел присесть, но заметил, как в углу зашевелилась тень. Она превращалась в вязкую чёрную массу, из которой выделилась сначала одна безобразная, выше человеческого роста фигура, затем другая. Когда шесть силуэтов заполнили лифтовую, сноходец, под натиском их взоров, от которых даже кресла тревожно брякнули друг об друга колёсами, торопливо вернулся к основному коридору.

Ньютон держался подальше от шепчущих стен и дожидался Гуру прямо посреди прохода. Он глядел то влево, то вправо, стараясь сохранять невозмутимость, как вдруг под ногами что-то зашевелилось и зафыркало. Ньютон едва сдержался, чтобы не отпрыгнуть в сторону, когда увидел *это*.

По полу, не спеша, на четвереньках передвигался голый мужчина средних лет. Язык торчал из слюнявого рта, с губ

омерзительно текло. Мужчина часто дышал, вертел головой и шарил руками по избитому полу, что-то выискивая. Внезапно перед самым его носом возник потрёпанный серый суслик, который тут же бросился наутёк. Мужчина восторженно завизжал на весь коридор и рванул за зверьком, часто перебирая руками и ногами, и высоко задирая дряблый оголённый зад.

– Я охотник! Охотник! Не падальщик! – разносилось эхом по коридору.

Проводив человека-собаку взглядом, Ньютон покосился на бдительных хранителей, по-прежнему сторожащих лифтовую и сверлящих его недоброжелательным вниманием. До голого нарушителя покоя же им не было дела.

Обидно, подумал Виктор, ведь в отличие от голого сновидца, он вёл себя прилично, и всё равно оставался в хранительской немилости. Даже имитация не помогала – в последнее время они каким-то образом узнавали его. Они и сейчас предупредительно шипели на него, пока сновидец, возмнивший себя собакой, беспечно и безнаказанно лаял где-то в мутных сумерках лабиринта и гонял собою же созданного суслика. Хранителям нет дела до сновидцев. Для них они точно дети – если пакостят, то не нарочно. Не то, что сноходцы...

Хранители медленно надвигались на Ньютона, слушая его мысли. Он нервно замялся, услышав далёкое размытое сердцебиение. *Придётся проснуться, если Гуру не...*

Но Гуру появился вовремя. Мужчина уверенно вышел из сумрака, когда хищные тени уже окутали Ньютона и протягивали к нему кривые, похожие на ветви деревьев, лапы.

Гуру замедлил шаг, затем всё же уверенно проскочил между двумя хранителями. Встретившись взглядом с едва сдерживающим испуг учеником, он схватил его за рукав и рванул, вытягивая из окружения. Ньютон пригнулся, и всё же на миг ощутил над макушкой лапу стража – она едва не коснулась его. И на этот миг шёпот сделался невыносимо громким, ноги стали ватными, перед глазами поплыло. Но Гуру вновь дёрнул его за рукав, приводя в чувства, а затем поманил за собой. Они торопливо зашагали по коридору. Тёмный дымчатый шлейф потянулся за ними, как хвост кометы.

Учитель и ученик набирали темп, пока первый не бросил через плечо:

– Не отставай.

Гуру повернул влево, и стена перед ним неожиданно ожила. Посыпалась штукатурка, за которой кирпичная кладка перекладывалась и расступалась, образуя проход в тёмную пустоту.

Учитель шагнул вперёд. Ошарашенный Ньютон последовал за ним. Хранители за спиной возмущённо застонали, и, обернувшись, Ньютон ужаснулся от вида раскрывшихся безразмерных ртов. Но стена вновь перестроилась, запечатав проход. Лишь две тени успели проскочить внутрь и тут же

исчезли, как и всё остальное.

Ньютон оказался в темноте, где не было ничего, кроме его дыхания и уверенных шагов Гуру, за которыми он слепо спешил, стараясь оторваться от страха, облизывающего затылок.

– Просто иди, – спокойный голос учителя раздался так громко, что Виктору показалось, словно он прозвучал у него в голове, и панические удары сердца стихли.

Вновь заскрежетала кирпичная кладка. По глазам ударил свет. Ньютон не успел ничего разглядеть, как крепкая рука схватила его за шиворот и буквально вырвала из тьмы в коридор, залитый холодный светом люминесцентных ламп.

Не удержав равновесия, Ньютон упал на чистый зелёный кафель. Гуру же встал напротив прохода, готовясь к появлению хранителей. Рваный шёпот из тьмы усилился, и в проёме возник огромный, намного больше остальных хранитель. От его густого рёва кишечник Ньютона беспощадно задрожал, и на миг сноходец увидел в пасти чудовища отражение знакомого лица, похожего на его собственное. Ньютон зажмурился от внезапного гула в ушах, задержал дыхание, но через миг всё стихло. Он выдохнул, открыл глаза и увидел учителя, стоявшего перед вновь запечатанной стеной.

– Как вы это сделали? – спросил Ньютон, поднимаясь с пола. – Как прогнали хранителя?

– Не прогнал, а переместил, – хмуро ответил Гуру и встревоженно обернулся на шелестящий звук слева.

По стерильно чистому больничному коридору, оскверняя ровный холодный свет, к сноходцам приближалась новая стая.

Гуру едва слышно выругался и побежал навстречу хранителям, доставая что-то из кармана. Ньютон оторопел, но когда учитель остановился около массивной стальной двери и вставил в замочную скважину длинный ключ, похожий на зазубренный клинок, тоже подбежал к нему.

Ключ уверенно повернулся, дверь поприветствовала благородным рокотом смазанных механизмов и отъехала в сторону. Сноходцы ступили через высокий стальной порог, прожорливая дверь плавно встала на место, и треск сотен шестерёнок за их спинами сошёлся в единый мощный щелчок.

* * *

Подсознание Гуру больше походило на бункер, чем на комнату – никаких признаков внешнего мира. Куб из четырёх металлических стен, на них тусклые аварийные лампы. В одном конце помещения – меловая доска, перед ней – старый деревянный стол, заваленный кипой бумаг и странных карт. Другой конец бункера освещался хуже. Там стояли одинаковые бронированные сейфы, а за ними виднелась ещё одна металлическая дверь с запорным вентилем. Судя по горе всевозможного хлама, в виде ветхих рукописей, доисторической глиняной посуды, диковинной утвари, сваленных у порога, можно было подумать, что эта дверь давно не использовалась.

Гуру дёрнул рубильник, и под бетонным потолком за-
жглись длинные лампы. Бункер заметно посветлел и стал
просторнее.

– Я думал, – заговорил учитель. – Аня преувеличила, ко-
гда сказала, что хранители слетаются к тебе как пчёлы на
мёд.

– Аня сказала? Но откуда она...

– Видела, – Гуру прошагал к столу. – Видела, как ты
несколько раз появлялся в коридоре, пытался обмануть хра-
нителей и каждый раз нарывался.

Гуру сел, и Ньютон, помня прошлую встречу, последовал
его примеру.

– Знаешь, почему это происходит? Почему их так тянет к
тебе? – спросил учитель.

– Я знаю, что хранителям не нравится своеволие и пе-
ремены во сне. А ещё, когда мы приносим собственные про-
екции. Даже если это выходит случайно.

– Это верно. А как ты заработал свой шрам, который так
любезно продемонстрировал в прошлый раз? Расскажи.

Ньютон замялся, не желая вспоминать о том дне.

– Слушай, – чуть раздражённо протянул Гуру. – Я не соби-
раюсь выпытывать из тебя в час по чайной ложке. Ты здесь,
потому что хочешь учиться. И чтобы у нас всё с тобой сла-
дилось, я должен знать, с чем буду работать.

– Да, конечно. Извините, – искренне проговорил Нью-

тон. – Хранители атаковали меня, а я пытался с ними бороться... Пытался сжечь их.

– Удалось? – Гуру хитро улыбнулся, точно знал конец истории.

– Они обратили огонь против меня, и я проснулся с ожогами, – Ньютон отвёл взгляд, нервно потирая бёдра ладонями. – В общем, я уже показывал.

– Насилие порождает насилие, – назидательно произнёс Гуру. – Это главный закон разума. Никогда не забывай его при общении с хранителями. Когда ты используешь что-то против них, ты идёшь против мира снов. Так что, любое противодействие обернётся против тебя же втрое.

Ньютон слушал с серьёзным видом и кивал.

– Но это ты уже усвоил. Теперь ответь, почему ожоги, которые ты получил во сне, появились на твоём теле в реальности? – Гуру сощурился и посмотрел на ученика проницательным взглядом. – В день, когда это случилось, ты что-то принял, я полагаю?

Вопрос застал Ньютона врасплох и заставил на несколько секунд перенестись в то, казалось, уже такое далёкое весеннее утро, когда разбитым и опустошённым вернулся он в свою квартиру в Новосибирске после недолгой поездки в Иркутск.

За окном тогда всё распускалось и оживало, и даже цветы на подоконнике ещё были зелены и только начинали подавать признаки обезвоживания. Однако внутри Виктора в то

утро уже всё безвозвратно омертвело, и даже чувство вины за оставленную в трауре мать не терзало нисколько. Единственное, чего он хотел, сидя на кровати, бессильно склонившись и обхватив себя единственной рукой, это перестать существовать. Осознав это, он разрыдался. Всё, что копилось в нём с той ночи, когда семнадцатилетний Артур сбежал из дома во мрак, и до того злосчастного телефонного звонка, когда мать захлёбываясь в плаче сказала только два слова: «Его нашли», всё выплеснулось наружу единым горестным потоком.

А потом, немного придя в себя, Виктор умылся, полил цветы и стал разбирать сумку с вещами. И тогда среди вороха одежды нашлось нечто, ему не принадлежавшее – аптекарская склянка с надписью «КОНТРОЛЬ». Это слово, несомненно, оставила рука его брата. Виктор понял это по наклону влево и кривизне букв. В сумке обнаружилось кое-что ещё. Скупая записка без адресата и подписи. Почерк значительно отличался от почерка Артура в лучшую сторону:

«Стимуляторы сна. Для повышения уровня сознания. Одна таблетка! Остерегайся теней».

Он не был уверен, что записка адресовалась ему – жёлтый клочок бумаги был изрядно потаскан, чернила растеклись от неоднократного намокания. Однако кто-то специально подsunул Виктору таблетки, без сомнения те самые таблетки, что сгубили его брата. И в качестве инструкции сунули записку, которую, быть может, Артур долго хранил при себе,

скитаясь по окраинам города, ночуя вместе с другими бездомными в старых подвалах и глотая по убивающей разум таблетке каждый раз перед сном. Видя всё это, как наяву, Виктор крепко сжал склянку, осторожно положил на язык одну таблетку, но рука дрогнула, и высыпались ещё несколько.

– Это были стимуляторы, – признался Ньютон учителю. – Стимуляторы сна.

– Вот это да, – Гуру изумился. – И где же ты, новичок, сумел их достать?

– Мой брат был сноходцем, – помедлив, нерешительно ответил Ньютон. – Это были его таблетки.

Глаза учителя расширились от удивления, и он улыбнулся:

– Так значит, дар снохождения у вас в крови?

Ньютон хотел сказать правду. Сказать, что, по крайней мере, у него точно нет никакого дара. Ведь несмотря на старания Артура, он не мог пробудиться слишком долго. И, наверное, никогда бы не смог, если бы не таинственно попавшие к нему таблетки. Но портить впечатление о себе ему не хотелось, и потому он только неопределённо пожал плечами, скромно улыбаясь.

– Это очень интересно, – искренне произнёс Гуру. – Такой дар редко передаётся по наследству. У вас с братом общие родители?

– Да. Но у нашей матери нет никаких способностей.

– А что же отец?

– Не знаю. Я его никогда не знал.

– Ну что ж, – не заостряя внимание на семейной драме, бодрее сказал учитель. – Значит, ты уже в курсе, что такое стимуляторы сна, как они работают, и почему из-за них остаются шрамы на физическом теле?

– Нет, – признался Ньютон. – Я только знаю, что этот препарат помогает удерживать контроль над сознанием. Но я был бы благодарен, если бы вы объяснили мне, что это конкретно такое.

Ньютон боялся, что Гуру спросит что-то вроде: «Почему твой брат тебе не объяснил», но учитель не был из тех, кто допытывался до чужого прошлого. Он ответил спокойным энциклопедическим тоном:

– Стимуляторы сна – это препараты, которые чаще всего являются смесью снотворного на основе полыни и чего-то, что активизирует работу мозга и нервной системы. Например, кетамина или амфетамина. Стимуляторы помогают погрузиться на более глубокий уровень сна без потери сознания. Но при этом, *осознание* самого процесса сознания притупляется. Поэтому передозировка стимуляторами может вызывать коллапс самосознания. Когда всё, происходящее с тобой в мире снов, отражается на твоём теле в реальности. Это происходит, потому что разум отождествляет тонкое тело с физическим. Ты можешь сохранять контроль, различать, где что умом и вниманием, однако разум становится

мечущейся собакой, которую ты спускаешь на какое-то время с поводка.

Ньютон невольно коснулся рукой того места на шее, где в реальности носил шрам.

– Теперь понимаешь, почему это произошло?

Виктор проглотил горсть наркотиков и упал почти замертво, но очнулся в мире снов. И впервые понял, что тьма, доводившая его до ужаса и бессонницы прежде, теперь обрела конкретную форму. Толпы хранителей бросались на него, желая порвать или поглотить, а он же теперь был спокоен. Он осознал себя, увидел свою руку, затем свою вторую руку, вспомнил имя, вспомнил Артура и все те сны, в которых являлся брат. Он понял, о чём тот твердил так долго. И тогда его одолела небывалая злость, и в голове родилась безумная мысль – *«во всём виноваты эти твари»*. И он стал жечь их. Потоки пламени обрушались на тёмное войско со всех сторон. Всё полыхало и ревело. Но огонь лишь множит тени. Скоро тьма впитала в себя всё, до последнего оранжевого языка, и наступило ничто. А затем возникли яркая ослепительная вспышка и кричащая боль в шее.

– Твой разум поверил в это! – Гуру коротко указал Ньютону пальцем, видя в его глазах понимание. – Ты оказался слишком глубоко. Можно сказать, что впечатление и реалистичность происходящего в тот момент была для тебя настолько велика, что восприятие разума так обострилось, что он получил опыт воспламенения, и твоё физическое те-

ло обожглось, – учитель выдержал паузу и заговорил спокойнее. – Иногда стимуляторы в нашем деле действительно необходимы, и всё же лучше обходиться без рисков. Впрочем, ты в этом уже убедился... Ты знаешь, почему хранители продолжают на тебя нападать?

– Нет, не знаю.

– Они злопамятны, если так можно выразиться, – пальцы Гуру с густыми волосками на широких фалангах сплелись и образовали подобие сферы. – Более того, хранители имеют общую память.

– То есть, сознание?

– «Сознание» – громко сказано! Едва ли у этих существ есть сознание. Они, как ты уже знаешь, смотрители мёртвой области мира снов. Они её неотъемлемая часть. А что мертво, то не имеет сознания. У них нет логики, эмоций. У них одна задача – оберегать энергию, из которой состоит всё в мире снов и не позволять сноходцам преобразовывать её, воровать, переносить в своё подсознание. Просто запомни, что эти товарищи очень консервативны и ничего при них не меняй. А если поменял – верни на место. И чем скорее, тем лучше.

– Как вы делали это со стенами?

Гуру кивнул:

– Менять что-либо в мёртвой территории опасно, но иногда это единственный способ избавиться от преследования, не покидая локации.

– Выходит, от хранителей можно прятаться?

– Недолго, – Гуру сжал «сферу», и его пальцы сцепились замком. – Как я уже сказал, у них безупречная память и все они – единое нечто. Если ты попался одному хранителю, знай, что остальные уже в курсе. И рано или поздно они достанут тебя, как бы ты не хитрил.

– Я никак не могу понять, вы сказали, у них единая память. Они помнят меня, потому и нападают. Но ведь я каждый раз изменяю внешний облик, изменяю ход мыслей! – Ньютон втайне надеялся произвести положительное впечатление. – А они всё равно узнают меня. Как?

– Ты говоришь о технике имитации, – сказал Гуру с видом человека сведущего, но высокомерного, и скучаяще почесал бакенбарды. – Хорошая техника. Ты отточил её до сносного уровня. Но одного притворства мало, чтобы обмануть хранителей. Ведь они не только считывают частоту нашего сознания, но ещё и *видят и узнают* потоки нашей внутренней энергии. Она похожа на ту, из которой состоит весь мир снов, только она *живая, подвижная, лёгкая*, и питает наши тонкие тела. И энергия эта, как губка, впитывает всё, что ты переживаешь, и тяжелеет, как песок, впитавший воду. Энергия внутри тебя, – он кивнул Ньютону. – Утрачивает былую гибкость и становится легко различимой среди прочих сноходцев. Поэтому, несмотря на все твои театральные старания и страсть к переодеваниям, – Гуру язвительно ухмыльнулся. – Хранители помнят кто ты, и как им докучал раньше.

Ньютон смотрел себе на грудь и спросил:

– Моя энергия так тяжела, что её можно увидеть?

– Энергию любого человека можно увидеть, как и тонкое тело. Хоть в реальности, хоть во сне. Но это потом! Сейчас же ты можешь *ощущать*, как медленны твои потоки, по переутомлению разума, и тела в реальности: потеря веса, недосып, депрессия, бессонница...

Ньютон действительно не помнил, когда в последний раз не испытывал всего перечисленного.

– И что же делать? – спросил он, снова взглянув на наставника.

Тот откинулся назад и улыбнулся:

– А что делают нормальные люди, когда устают? Отдыхают. В мире снов ты должен иногда отдыхать, как и в реальности. Для этого тебе нужно иногда заглядывать в свою комнату. Так ты будешь сбрасывать старую энергию, и подпитываться свежей. Словом, будешь обновляться.

– Но у меня нет своей комнаты.

– Комната есть у каждого, просто свою ты ещё не нашёл.

Ньютон виновато улыбнулся и пожал плечами:

– Если честно, я и не знал, что нужно искать.

– Ты почти нашёл её, – равнодушно произнёс Гуру. – Ты ведь добрался до *коридора дверей*. Это локация, соединяющая все входы и выходы. Через это место сноходцы попадают в свои комнаты... В свои уютные, или не уютные, кому как угодно, гнёздышки в общежитии мира снов, – учитель как-

то мечтательно задумался и вновь заговорил грубее. – Ты бы понял это, если бы меньше шлялся по коридорам и считал звёзды.

Звёзды? Но откуда он... Неужели Аня...

Учитель вышел из-за стола и, не задвинув стул, зашагал к выходу, доставая из кармана нож-ключ. Ньютон тоже поднялся.

– Пошли, – скомандовал Гуру. – Найдём твою комнату. Заодно посмотрим, на что ты способен.

* * *

– И как же её отыскать? – спросил Ньютон, когда они вышли из бункера, но уже не в стерильный больничный коридор, а в потрёпанный коммунальный.

Учитель не ответил, потому что мимо них проходили двое: пожилой мужчина, шагающий задом наперёд прямо по потолку и что-то бурчащий в газету, и весело хохочущий мальчишка, следующий за первым лягушачьими прыжками.

– Скольких людей ты видишь? – тихо спросил Гуру, глядя вслед чудному явлению.

– Двоих, – ответил Ньютон.

– А если посмотреть внимательнее?

Ньютон наклонил голову вбок и прищурился.

– Смотри не глазами, а разумом, – произнёс учитель. – Только не старайся залезть к ним в головы. Помни, что ты – невидимка для них. И лучше чтобы так оно и оставалось.

– Сновидцы нас не замечают?

– Нет, пока ты сам не начнёшь привлекать их внимание. Чего делать не стоит ни при каких обстоятельствах.

– Почему же?

– Ты об этом ещё узнаешь. Так сколько же их на самом деле? – нетерпеливо спросил Гуру.

Ньютон постарался собраться.

– Как это – «смотреть разумом»? – спросил он.

– Как глазами, только внутрь... Представь, что глаза закатились назад и смотрят внутрь головы, прямо на мозг. Здесь так же, только вместо мозга – разум, а вместо глаз – сознание. Направь сознание внутрь, сконцентрируйся на том, что внутри тебя – на разуме! Он подскажет ответ, ведь орган этот чувствительнее и надёжнее любых физических. В реальности пользоваться им трудно из-за плотского бремени, а здесь, в тонком теле...

– Их двое, – твёрдо ответил Ньютон, и на лице учителя отразилось приятное удивление.

– Уверен?

– Да. Эти двое как-то связаны между собой. Может, отец и сын, или учитель и школьник...

– Продолжай.

– У каждого из них индивидуальная частота сознания, отличная друг от друга, я вижу это! – у Ньютона дух перехватывало от восторга, ведь он, действительно, видел в тонких телах сновидцев энергию, закрученную и вращающуюся в области груди точно волчок. У мальчика волчок был красным и

вращался в несколько раз быстрее серебристого, слабо бьющегося волчка мужчины. – Они точно как-то связаны друг с другом... Ведь сновидцы обычно не видят групповые сны. Так подсказывает разум. Но эти двое нашли друг друга, хоть и не понимают этого... и, скорее всего, даже не вспомнят об этом.

– А ты не так безнадёжен, – сказал Гуру таким чёрствым тоном, что Ньютон не сразу распознал похвалу, а когда распознал, учитель уже шагал прочь в полумрак.

– Это первый и самый простой урок, который нужно усвоить, – заговорил Гуру, когда Ньютон нагнал его. – Ты – сноходец, а, значит, поиск – это твоя сильная сторона. Всё здесь соткано из единой энергии, которая постоянно преобразуется, и ты тоже состоишь из этой энергии. Мы – части единого информационного поля. Мир снов – его воплощение. Так что, если хочешь узнать о чём-то, просто загляни внутрь себя и хорошенько поройся в разуме. Вся нужная информация в тебе, нужно только сконцентрироваться на том, что ты ищешь. В первую очередь, это поможет находить местонахождения определённых локаций. Поможет также проникать в сновидения сновидцев, – Гуру ухмыльнулся. – Бесплезное занятие, но, порой, довольно забавное.

О последнем Ньютон знал и уже находил сны нескольких своих однокурсников.

– А сноходцев?

– Исключено, – твёрдо ответил Гуру и покосился на Нью-

тона. – Хочешь знать, можно ли читать мысли других сноходцев?

Ньютон боялся сказать «да», ведь он уже пытался читать мысли Гуру и опасался, что тот догадается, и поэтому он лишь лукаво улыбнулся.

– Когда сновидец становится сноходцем, – холодно продолжал учитель. – Его сознание само по себе включает защиту, блокирует все *входы* в разум. Со временем ты научишься их открывать.

– А для чего?

– Например, для взаимной телепатии.

– Это возможно? – Ньютон не мог сдержать восторга.

– Возможно. Но позже, – Гуру вдруг остановился и взглянул в упор на ученика. – Ну, что, самоучка. Где твоя комната?

Ньютон посмотрел вперёд, где в алом полумраке пребывали в консервации перекошенные двери. Позади – то же самое, только ещё парочка хранителей притаилась под толком. Молодой сноходец попытался *посмотреть внутрь*, и вдруг ощутил под самой макушкой туго вращающийся с неровной вибрацией волчок, от которого по всему тонкому телу синей паутинкой растекалась энергия.

– Подумай о доме, – тихо подсказал Гуру, следя за тенями. – Почувствуй место, где тебе хорошо и спокойно. И помни, что это место *внутри*. Оно *всегда* было внутри.

Ньютон прикрыл глаза и почувствовал давно забытое уми-

ротворение, которое с самого детства находил только в одном месте – в читальном зале библиотеки, в окружении потрепаных книг, куда никогда не заявлялись ни хулиганы из детства, ни особо докучливые однокурсники. Даже назойливые мысли о прошлом словно давились здесь книжной пылью и отступали прочь.

– Это твоё подсознание. Визуализируй его, а затем представь дверь.

– Какую?

– Любую, – пробурчал Гуру, заметив движение хранителей в их сторону. – Только давай без изысков, иначе...

И тут она возникла. Старинная и несокрушимая дубовая дверь под самый потолок: две тёмно-рыжие створки, золотые замочные скважины, хрустальные ручки в виде глобусов. Исполинские косяки внушали почти угрожающее чувство защиты.

Гуру неоднозначно нахмурился, Ньютон открыл глаза и тоже увидел это чудо. Рядом с его дверью все остальные смотрелись жалко, терялись, точно пытались слиться со стенами от стыда.

– Без изысков, да? – учитель чуть слегка смягчил взгляд. Самодовольный Ньютон пожал плечами.

– Пойми, это важно, – слова Гуру наполнились терпением. – Твоя дверь: её вид, её царапины, её секреты и изыски – это всё равно, что твой домашний адрес в реальности. Чем проще дверь, тем лучше, потому что так сложнее будет отыскать

и опознать её среди других дверей. А значит, сложнее найти тебя.

– Кому найти? – удивился Ньютон.

– Недоброжелателям, – сухо ответил Гуру и, заметив внезапную детскую грусть в глазах ученика, терпеливо добавил. – Ну, в конце концов, это уже дело твоё личное. Теперь загляни внутрь, осмотри там, и давай назад. Я подожду тебя здесь.

Ньютон кивнул, потянулся к ручкам-глобусам и, помедлив, спросил:

– Вы не зайдёте со мной?

– Нет, – молниеносно ответил Гуру, словно услышал нечто непотребное. – Запомни ещё одно правило – чем меньше людей ты впускаешь в своё подсознание, тем лучше, – он смерил ученика пронизательным взглядом. – Это ведь не место для званных ужинов. Это твоя комната, и только *твоя*. Гавань и крепость.

* * *

Внутри новообретённой комнаты Ньютон ощутил лёгкость и прилив сил, каких не испытывал никогда. Энергия внутри него обновлялась. Откуда-то извне она проникала в его тонкое тело, а старая загустевшая словно утекала из его конечностей. Волчок разума стал вращаться ровнее и быстрее и засиял ярким голубым светом. Ньютон почувствовал себя так, словно много лет просидел в душной комнате, где впервые открыли окна.

Но когда он оторвался от созерцания сияющей «паутины», окутавшей тело, и огляделся вокруг, эйфории и след простыл.

Это была не библиотека, как ожидал Ньютон. Он стоял на краю глинистого котлована, полного мутной стоячей воды, из которой торчала носовая палуба давно затонувшего ржавого катера и прочий металлический мусор. Где-то вдалеке слышались детские голоса. Чем пристальнее Ньютон вглядывался в серо-зелёный омут, тем шире он разрастался, обволакивая всё его существо призрачными шёпотками и озорным смехом мальчишек. Сноходец узнал это место. Почувствовав, как его тянет к пропасти, он буквально отдёрнул взгляд, и голоса исчезли.

Ньютон развернулся и пошёл прочь, оглядывая выжженную солнцем равнину, со всех сторон «усеянную» местами из прошлого и горами самого различного хлама – от игрушек из детства, до вещей, которые, казалось, совершенно никогда не завладевали его вниманием настолько, чтобы оказаться здесь – в музее прошлого.

Под ногами хрустели разбитые двери и оконные рамы, гнили под солнцем бесхозные машины и строительная техника.

Увидев заброшенный строительный кран, по которому маленький Виктор лазал вместе с Артуром и другими мальчишками, Ньютон остановился у гусениц, задрал голову вверх и улыбнулся. В реальности он бы не смог забраться на

вершину крана, однако здесь у него имелись обе руки.

Забравшись по ненадёжной металлической конструкции, Ньютон влез в тесную кабинку крановщика, сел в кресло, сложил руки на панель приборов, подался вперёд, к разбитому окну, и окинул взглядом долину.

Городские безлюдные улочки, полные частных и многоквартирных домов, вращались в дикие, полные сочной зелени джунгли, в которых Виктор «бывал» мальчишкой, читая «Маугли». Посреди знойной саванны шеренгой развернулось множество школ, в каждой из которых они с братом учились. И бесконечные лабиринты самых разных дворов, в которых неизменно познавалось одно и то же – боль, унижение, и сила. За речной заводью, покрытой кувшинками, гудел космодром, где готовая к отлёту ракета ожидала своего создателя. Ньютон смотрел на всё это, и его захлестывали волны воспоминаний, из которых, точно призрак, внезапно явился он.

Ньютон ощутил сердце в физическом теле Виктора. Оно забилось сильно и глухо, когда внизу, у подножия крана показался подросток. На миг Ньютон решил, что видит самого себя в обличие однорукого ребёнка, но быстро смекнул, что этот взъерошенный мальчуган в порванной грязной одежде – левша, в то время, как Виктор – правша. На лице мальчишки ярко мигнули два зелёных глаза, зубастая улыбка, больше похожая на оскал волчонка. Это был Артур.

Мальчишка помахал сидящему в кабине Ньютону рукой,

и тот захотел отвести взгляд и зажмуриться, надеясь, что навязание исчезнет, но быстро взял себя в руки.

Это не Артур, сказал про себя он, успокаивая одновременно своё подсознание и тревожащееся сердце Виктора. *Это даже не его призрак. Это всего лишь проекция. Пережиток прошлого.*

Но мальчишка, казалось, не соглашался, и продолжал махать ещё усерднее. Однако черты на его лице стали стираться, и глухие удары пошли на спад.

Это не может быть он, успокаивал Виктора и сам себя Ньютон. *Ты сам видел, что с ним сделали.* Затем он ещё несколько долгих секунд смотрел на угасающего, как пламя догорающей свечи, однорукого мальчишку холодным скорбным взглядом и тихо проговорил:

– Здесь не место призракам.

Артур исчез.

Ньютон сидел и всё ещё думал о котловане, оставшемся позади. Слишком чужим было то место, слишком обречённым на неизбежное разложение, о котором настойчиво напоминала мутная застоявшаяся вода. Он едва сдержался от попытки стереть котлован из своего подсознания, но знал, что на этом не остановится и продолжит стирать всё подчистую. *Теперь это не кладбище воспоминаний Виктора. Теперь это комната Ньютона. Моя комната.*

Решив заняться генеральной уборкой позже, Ньютон покинул кабину крановщика, вернулся к двери, по-прежнему

стоявшей на краю плато, и вышел.

* * *

– Ну как? – спросил Гуру.

– Бардак, – пожав плечами, ответил Ньютон.

– Меня не интересует – что там, – обречённый взгляд учителя застал ученика врасплох, но тень улыбки смягчила его. – Меня интересует – как ты себя чувствуешь?

– Легче. Как гора с плеч, – довольно вяло произнёс Ньютон, всё ещё думающий о котловане и призраке, но, к счастью, учителя ответ устроил.

– Так и есть. А ещё и «зрение» улучшилось, а!?

Ньютон понял, что и впрямь стал *видеть* гораздо дальше, и чувствовать глубже. И хранители больше не следили за ним, а *дремали*, растянувшись вдоль деревянных плинтусов едва различимыми теньевыми полосками.

– Теперь, когда за наших «друзей» можно не беспокоиться, – заговорил Гуру. – Мы можем...

Внезапно он замолчал, и в его глазах сверкнула сосредоточенность.

– А вот и второй, – прошептал он, неожиданно широко улыбнувшись.

Ньютон тоже почувствовал присутствие ещё одного сноходца. Он взгляделся всем сознанием, однако в пыльном, шероховатом пространстве коридора никого не было. Но вдруг в воздухе показалось нечто маленькое, стремительно летящее прямо Ньютону в лицо. Он увернулся и обнаружил, что

это камешек, когда тот отскочил от груди Гуру. Учитель будто и не заметил этого. Только улыбнулся ещё шире, так что зубы хищно обнажились.

– Эй ты, громила, – раздался в тишине хриловато-визгливый подростковый голос.

Ньютон обернулся, и от удивления вскинул брови. В проходе, где до этого не было никого, теперь стоял смуглый низкорослый человечек. Жилистые ноги в потрёпанных кроссовках были властно расставлены широко друг от друга. Безразмерные мешковатые шорты болтались на тощих бёдрах. Оголённый крепкий торс украшали мелкие шрамы и ссадины. На шее – ожерелье, похожее на дешёвые бусы с мелкими разноцветными ракушками. Черты лица напоминали индийские – гордо вскинутый гладкий подбородок, неуклюжий рубленый нос с широченными ноздрями, жирные чёрные брови нахмурены смешным, слишком brutальным для такого мальчика, зигзагом, и узкие глаза, с ярко-оранжевыми, как яичный желток, зрачками. Над узким лбом притаилась дюжина чёрных лоснящихся змеек. Ньютон не сразу понял, что это косички.

Маленький индеец замер в некоем вызове, так что ни одна его мышца не двигалась. Только высушенная рука подкидывала и ловила следующий камень.

– А ты кто ещё такой? – настороженно спросил подросток, заметив Ньютона, и камень замер в его руке.

Совершенно растерянный, Ньютон только вопрошающе

посмотрел на учителя, и тут же почувствовал безболезненный толчок в плечо.

– Вам меня не взять, чёртовы прихвостни режима! – торжественно воскликнул мальчишка и пустился наутёк.

Однако малыш особенно не спешил. Он оборачивался, сверкал оранжевыми глазами, в которых горел воинственный детский азарт, и корчил рожи. И не только Гуру и Ньютону, но и обеспокоившимся хранителям.

– Кто он? – спросил Ньютон учителя.

– Да парнишка один, – непривычно тёплым тоном ответил Гуру. – Пробудился недавно, совсем ещё птенец! Мне посчастливилось быть рядом с ним, когда это случилось. Я предложил ему помочь освоить снохождение, как мы предложили тебе – но этот чертёнок, видимо, туго соображает! – учитель хохотнул. – Не понимает, что я такой же настоящий, как он, и принимает меня за хранителя...

Ньютон покосился на Гуру осторожным взглядом и решил, что мальчишку можно понять – вид этого могучего мужчины, в первую очередь, настораживал.

– Эх-эй! Давайте! Поймайте меня!

– Но вот он уже неделю преследует меня, – продолжал учитель. – Находит ведь каким-то образом! Не подходит, зато дразнит и требует, чтобы я его поймал!

Снующий между живыми тенями парнишка хохотал, и смех его не могли поглотить даже глухие двери и стены.

– Может, он так проверяет вас? – предположи Ньютон.

– Не понял, – лицо Гуру посерьёзнело.

– Может, он хочет, чтобы вы его поймали, потому что пока этого не произойдёт, он не будет уверен, что вы достойны его обучать?

Гуру помрачнел, и Ньютон тут же прикусил язык.

– Ну, чего вы там? Трусите? И правильно трусите! – малыш гоготал. – Все боятся связываться с великим Хосе!

– Интересная мысль, – ответил, наконец, Гуру, массируя большим и указательным пальцами квадратный подбородок. – И что же мне теперь, ловить его? – спросил он, будто серьёзно ждал, что Ньютон ответит, а затем убрал руку от лица и просиял. – У меня тоже появилась интересная мысль. Ньютон, поймай его ты!

– Я? – Ньютон не поверил ушам.

– Да, – Гуру хитро подмигнул. – А что? Скажем так, для тебя это будет испытание боем, а меня изрядно позабавит. Давай! Раз уж мы теперь оба – «прихвостни режима».

Ньютон сглотнул и повернулся к мальчишке, озабоченное лицо которого сразу озарила ухмылка, и он продолжил дразниться пуще прежнего:

– Давай же, пёс! Только не споткнись на своих туфельках!

Ньютон бросился вперёд. Мальчишка завизжал и помчался наутёк. Оба они бежали так быстро, как невозможно было бы в реальности. Двери слева и справа от них замелькали стремительным конвейером.

– Стой! – кричал Ньютон, подбегая к мальчишке почти

вплотную и протягивая руку. Но каждый раз тот ускользал от него, неожиданно сворачивая с главного коридора в боковые ходы.

Не оборачиваясь, беглец то и дело швырял в преследователя камни, а преследователь отбивался правой рукой, то и дело, пропуская камни, летящие с левой стороны. Редкие удары в грудь, в плечи оказывались совершенно безболезненными.

Наконец, свернув в узкий короткий коридор, заканчивающийся тупиком, Ньютон улыбнулся, предвкушая победу. Мальчишка обеспокоенно оглядывался, продолжая бежать. Он больше не кричал, не визжал и не дразнился, сознавая неизбежную поимку.

Ньютон вытянул руку, готовясь схватить подростка за плечо, но внезапно парнишка просто испарился. Ньютон чудом успел остановиться и не налететь на дверь в конце коридора. Он замер, огляделся по сторонам – коротышка исчез.

Решив, что беглец попросту проснулся, азарт в Ньютоне угас. Он поджал губу и собрался вернуться назад, чтобы выслушать разочарованную тираду Гуру. Но что-то заставило его помедлить. Какой-то намёк! Чьё-то дыхание справа! *Мальши всё ещё здесь...*

Ньютон сосредоточился на серых почти не движимых потоках энергии, пронизывающих всё вокруг, и заметил в этой паутине пульсирующее и сияющее пятнышко. Крошечный волчок, с трудом различимый на фоне общей энергии, из ко-

торой состояли двери и стены. Волчок медленно скользил мимо него прямо по стене. Ньютон улыбнулся, и пятнышко тут же замерло – притаилось и задрожало.

– Вот ты где! – выпалил Ньютон, протянул руку к пятну и, нащупав нечто живое, буквально вытянул мальчишку из стены.

Паутины энергии погасли, и коридор обрёл прежний вид. Ньютон держал беспомощно хлопающего глазами мальчишку за плечо, и изумлённо изучал то его макушку, покрытую косичками-змейками, то смешное смуглое лицо. В конце концов, он рассмеялся и отпустил парнишку, чувствуя, что теперь тот никуда не денется. Так и оказалось.

– А ты быстрый, гринго, – протянул коротышка так важно, будто его оценка равнялась похвальбе диктатора.

– А ты вёрткий, Маугли, – ответил Ньютон и покосился на стену. – Как ты это делал? В смысле, как тебе удалось исчезнуть?

Мальчишка расцвёл самодовольством.

– Научишь? – спросил Ньютон, стараясь подавлять смех, вызванный непонятной радостью этой удивительной встречи.

Беглец кивнул, затем протянул сухую жилистую руку с белой ладошкой и представился:

– Хосе!

– Ньютон.

Они улыбнулись друг другу и сцепились в крепком руко-

ПОЖАТИИ.

Глава 7. Сверхусилие

Хосе всё время важно улыбался. Его глаза, пылающие тропическим солнцем, казались не по возрасту мудрыми, но исключительно в моменты его молчания. Стоило же парнишке заговорить, всё вставало на свои места.

– Ньютон! – когда он гоготал, за пухлыми коричневыми губами обнажались жёлтые зубы и тёмные бреши в местах их отсутствия. – Ну и имечко! Тоже учёный что ли? Или родственничек?

– Нет, – терпеливо отвечал Ньютон, немного задетый дерзостью мальчика. – Это прозвище. Тебе тоже лучше бы придумать прозвище. Так говорит Гуру. В мире снов лучше не раскрывать друг другу своих настоящих имён и личностей.

– А это и так прозвище. У нас всех так в роду звали. И деда, и папашу моего! И вся наша деревня – Хосе! Все – Хосе, и я – Хосе!

Хосе оказался кубинцем с испанскими корнями. Ньютон удивлялся его отменному владению русским языком, пока Гуру не объяснил:

– В мире снов все говорят на едином языке – на языке разума. Это происходит благодаря тому, что здесь наш разум подпитывается энергией мира снов, а в энергии этой растворено столько диалектов и языков, сколько существовало за

всю историю человечества. В данном случае разум можно считать синхронным переводчиком. Например, ты думаешь и говоришь на русском, Хосе – на испанском, но оба вы понимаете друг друга благодаря тому, что при коммуникативном контакте твой и его разум подстраиваются под частоту друг друга и транслируют слова собеседника уже в переводе.

Каждый день они втроем встречались либо в бункере, где Гуру объяснял теорию, либо в назначенной учителем локации. При этом, сам он лишь описывал ученикам место встречи, и им ещё приходилось отыскать его. В локациях общей территории они оттачивали техники и осваивали возможности, даруемые миром снов.

– Это прекрасно, что вас теперь двое... – часто приговаривал Гуру.

И Ньютон и Хосе постоянно следили за успехами и провалами друг друга, ожесточённо соревнуясь в том или ином ремесле. У Ньютона было больше опыта снохождения, чем у Хосе, да и сознание он имел более сформированное, чем у подростка, а потому всё у него получалось практически сразу, что очень злило и раздражало молодого «аборигена».

Импульсивный холерик Хосе много болтал и смеялся, и часто это мешало ему концентрироваться, когда перед ним и Ньютоном стояла задача за несколько секунд преобразовать пространство в лабиринт и пройти его раньше, чем их настигнут хранители. Хосе всё ещё боялся хранителей куда сильнее, чем Ньютон.

Казалось, малец всё ещё видел в чёрных тенях свой самый потаённый страх. Ньютон тоже порой видел в бесплотных уродливых глазницах свой кошмар, но это происходило лишь при близком контакте с хранителями. Хосе же бежал прочь от монстров и постоянно оборачивался назад, где немые они неслись следом. Малыш замедлялся, и глаза его тускнели от ужаса.

– Хосе! Чего ты там плетёшься? – кричал Ньютон, чтобы отвлечь подростка, и тогда глаза Хосе вновь оживали от смеха и радости соперничества.

– Лучше сам поднажми, Ньютон-хамон! Иначе я тебя уделаю! – кричал он в ответ и прикусывал высунутый кончик языка.

Соревнуясь в хождении по воздуху, Хосе пытался мысленно сбросить на Ньютона какой-нибудь камень с вершины утёса, до которого им требовалось добраться. Но из-за этого он сам терял концентрацию, и воздушные ступени исчезали под его старыми, не по размеру большими кроссовками.

– Чёртов гринго! – орал Хосе, падая вниз.

Гуру всегда возникал вовремя и ловил младшего ученика, а затем, спустившись на землю, огревал крепким подзатыльником.

– Маленький чертёнок! – ругался он, пока Ньютон смотрел на них с вершины. – С такими выходками ты не добьёшься ничего!

Учитель отпускал Хосе и заставлял его пробовать снова.

Хосе плакал, совсем как малыш, но не от боли. Ему было настолько обидно, что нередко в моменты трёпки он просто исчезал прямо в руках учителя. И тогда Ньютону становилось совестно и, даже, боязно, что парнишка не появится на следующей тренировке. Но «чертёнок» появлялся вновь и вновь, и, как ни в чём не бывало, ухмылялся и подмигивал:

– Ну, сегодня я точно буду первым, Ньютонина-макаронина!

Хосе имел в запасе целый список смешных и не очень прозвищ. Ньютон подозревал, что малыш тщательно выдумывает их заранее, и, возможно, даже фиксирует в каком-нибудь блокноте, чтобы не забыть: «Ньютон-бутон», «Ньютик-кантик», «Ньютон-шеvron», «Ньют-баламут».

Манеры маленького задиры раздражали Ньютона лишь поначалу, но вскоре он привык. К тому же, в конце каждой тренировки, когда Гуру уходил, Хосе любыми предложениями пытался задержать Ньютона, чтобы расспросить о хранителях и мире снов. Ньютон оставался, скрывая удовольствие, которое ему доставляли занятия, где он перенимал эстафету преподавания. Ведь всего лишь пересказывая всё, что ранее говорил Гуру, он видел в любознательных глазах малыша уважение и благоговение, с которыми он сам вечно смотрел на учителя.

– У меня не выходят полёты, – глядя в землю и качаясь из стороны в сторону, говорил Хосе, а затем поднимал голову и по-ребячески упрасивал. – Потренируешься со мной ещё?

Чуть-чуть! Пожа-а-алуйста...

Полёты требовали большей концентрации и большего объёма энергии, чем воздушные ступени, и всё же у Ньютона получилось помочь малышу.

– Представь, что ты лежишь на воздушной подушке, а потом попробуй переместить эту подушку. Или спроецируй невесомость – почувствуй, как если бы тебя вверх подняла верёвка. Хорошенько представь и тяни за эту верёвку изо всех сил!

На следующий день Хосе хвастался Гуру своими умениями, по привычке забыв упомянуть заслуги Ньютона.

– Видали? О как могу! Видали? – хохотал он, кувыркаясь в воздухе.

Ньютон только улыбался, стоя в стороне, и покачивал головой из стороны в сторону, когда встречался взглядом с всё понимающим малышом.

Они редко общались на посторонние темы и тем более не говорили о своих реальных жизнях, даже когда учителя не было рядом. Но порой что-нибудь да всплывало. Однажды ученики отдыхали на вершине небоскрёба, увитого красными лианами, и смотрели на полуразрушенный мегаполис, сплошь поросший такими же красно-оранжевыми растениями. Тогда Хосе без стеснения поинтересовался:

– Ньютон, а что у тебя с рукой?

Сначала Ньютон встревожился и тут же проверил левую руку. Она была на месте.

– Да, да, с этой, – повторил Хосе.

– А что с ней не так?

– Ты ей совсем не пользуешься.

Наблюдательный, похвалил малыша про себя Ньютон и попытался отшутиться:

– Ну, в этом мире пользоваться руками не обязательно в принципе, верно?

– Да, но мы же пользуемся. Потому что нам так привычнее.

На это Ньютон ничего не сказал, надеясь, что разговор закончится, если сам он его не продолжит. Но Хосе был настойчив:

– Так что у тебя с рукой?

– Да нет её! – раздражённо выпалил Ньютон и поднялся на ноги, собираясь уйти, но Хосе вмиг возник прямо перед ним и запрыгал от восторга.

– Ого! Вот это дела, гринго! А покажи! Покажи!

– Не покажу. Отцепись от меня! – Ньютон попытался его толкнуть, но Хосе отпрыгнул назад.

– Ладно тебе! Чего как девочка? Ну, покажи!

– Я тебе что сказал?

– Ну, хоть скажи, куда её нет? До локтя, или по самое плечо? Или плеча тоже нет?

Ньютон молчал, пробираясь с балкона небоскрёба вглубь захламлённого офиса.

– Ну, хоть расскажи, как это произошло? – спросил Хосе,

снова оказавшись рядом. – Гангрена? Или наркоманил? А? У меня дядя был героинщиком, ему по самое плечо руку оттапали. Так жутко теперь выглядит – ну просто сдохнуть!

Ньютон вдруг не выдержал и в гневе заставил рухнуть пол под ногами Хосе, и малыш с воплями полетел в пролом. Когда крики стихли, Ньютон посмотрел в отверстие, проходящее через все этажи, образуя неровный тоннель, и не увидел там никого, кроме поднимающейся со дна возмущённо шипящей чёрной стаи хранителей. Затем он вернул пространству прежний вид и проснулся.

После этого случая Хосе не докучал Ньютону несколько дней. Но однажды Гуру вновь отчитал младшего ученика за «бездарность», «безнадёжность» и за неудачную имитацию, и тогда Ньютон сам предложил малышу позаниматься после тренировки.

Хоть Ньютон и не знал ничего о «реальном» Хосе, разум подсказывал, что, возможно, малыш был ещё более одинок, чем он сам. Несмотря на разные часовые пояса, Хосе вовремя приходил на встречи в мир снов и проводил в нём времени едва ли не больше, чем Ньютон. Возможно, молодой кубинец не имел родителей, близких, друзей, и в моменты бодрствования бродил по душным трущобам, воровал еду с прилавков, чтобы были силы сбежать из реальности в мир снов, где он не чувствовал одиночества и был способен на нечто непостижимое, великое. Ньютон понимал это как никто. И ещё его воодушевляло невообразимое детское упор-

ство малыша.

– Хос-сопливый нос, – пропел Ньютон и несмело положил руку на худое плечо мальчугана.

Хосе моментально вытер слёзы и разулыбался:

– Сам ты – сопливый.

– Не ной. Всё получится.

– Надеюсь...

– Не «надеюсь», а абсолютно точно, – Ньютон подмигнул.

Хосе внимательно посмотрел на старшего товарища, и глаза его заискрились надеждой:

– Поможешь мне?

– Конечно. Я ведь мастер имитации, – Ньютон отнял руку и гордо вскинул подбородок. – Доверься мне, и на следующую тренировку мы поменяемся обликами, и клянусь тебе, Гуру не заметит подвоха!

Хосе восторженно визжал, хрюкал и хрипел:

– Вот это круто ты придумал! Давай же, учи, маэстро!

Иногда к их занятиям присоединялась Аня.

Впервые она появилась на практическом занятии по обмену мыслями. Это произошло на локации, укрытой тенями разрушенных зданий, плывущих по небу. В мире снов нельзя читать мысли других, но можно наладить обоюдный добровольный контакт с несколькими сноходцами.

– Эй, кто эта красотка? – шёпотом спросил у Ньютона Хосе.

– Её зовут Аня, – с невольным придыханием ответил

Ньютон, не отрывая взгляда от девушки, идущей к ним навстречу.

– Красотка, – раздалось громче и грубее у Ньютона над самым ухом, и его вдруг осенило, что коротышка Хосе не мог так легко дотянуться до него.

Он обернулся и чуть не упал, увидев, что малыш стал выше него ростом, пушок под носом сменился роскошными чёрными усами, а жёлто-коричневая улыбка засияла первозданной белизной.

– Чего? – засмеялся Хосе мужским басом, довольный произведённым эффектом.

– Даже не думай, Маугли, – прошипел Ньютон и вновь повернулся в сторону Ани. – Ты же ещё ребёнок.

– Я не ребёнок!

– Все дети так говорят.

– Это вы русские можете взрослеть лет по сто! А у нас мужчина – он с рождения мужчина!

Ньютон молча улыбнулся и, покосившись на обрастающего мышцами «Маугли», сам прибавил несколько сантиметров в росте. Заметив это, Хосе тоже вытянулся. Они зло косились друг на друга, продолжали толкаться и стремительно расти, пока снизу не раздался мягкий насмешливый голос Ани:

– Эй, там, наверху!

Они опустили взгляды, и Ньютона охватил стыд: Аня стояла перед ними совсем маленькая, точно куколка.

– Привет, мальчики!

– Привет, – в один голос поздоровались они, глупо улыбаясь огромными ртами, и принялись махать девушке руками, и напрасно: Хосе нечаянно задел пролетающий около его уха небоскрёб и тот с грохотом врезался в другой, а тот в третий, и где-то вдаль озлобленно завывали хранители.

– Идиоты! – внезапно раздался голос учителя, и не успели они повернуться, как огромный великан Гуру осадил обоих мощными подзатыльниками, вернувшими учеников к прежним размерам.

Ньютон краснел от стыда перед смеющейся Аней, а смуглый коротышка Хосе только истерично хохотал сквозь прежние плохие зубы.

При Ане всё становилось другим. Ньютон чувствовал это не только внутри, но и замечал снаружи. Казалось, хранители переставали обращать на них внимание, а если над головами висели тучи, они таяли. И любой сумрак, в который Ньютон ступал вместе с Аней, рассеивался перед её ясными ледяными глазами.

Во время Аниных визитов Ньютона переполняли волнение и небывалая радость. Каждый раз он с нетерпением ждал случая, чтобы обмолвиться с девушкой словечком, или хотя бы перехватить её взгляд и заслужить обезоруживающую улыбку. И иногда ему это удавалось. Но так же при Ане Ньютон совсем не мог сконцентрироваться и то и дело совершал провалы, над которыми потешался Хосе, иногда буквально

падая навзничь, дрыгая ногами и шлёпая себя по животу.

Но на одной из тренировок, когда Ньютон в очередной раз утратил концентрацию и обессиленно упал на мокрую землю, даже малышу стало не до смеха.

– Давай же, Ньютон, соберись! – с учительским терпением и усталостью в сотый раз призвал Гуру.

Они учились телепортации – сложнейшей из техник. И это место – Полигон Прыжков, по словам Гуру, подходило идеально. Полсотни похожих крутых плато с огрызками антенн были разбросаны буквально в воздухе, на большом расстоянии друг от друга. Их скалистые корни утопали в фиолетовых грозовых тучах. Наверху же, вместо неба простирался бушующий океан, грозящий обрушиться вниз, на головы сноходцев, в любой момент.

Эта локация подходила для тренировки, потому что здешние хранители обитали низко и пока не замечали четвёрку, резвящуюся наверху. Кроме того, телепортация требовала крайне детальной визуализации места назначения, а очень похожие друг на друга холмы усложняли эту задачу.

Ньютону нужно было перемещаться точно вслед за Аней. Невозможно переместиться в какое-то место, вслед за другим сноходцем, ориентируясь лишь на его место положение. Нужно точно представлять окружение места, в которое требуется попасть, со всеми его отличительными особенностями. А Ньютон то и дело путал плато и оказывался совсем не там, где нужно. Плюс ко всему, велик был риск не рассчи-

тать силу «толчка», что угрожало падением в тучи – ещё одна причина, по которой Аня была здесь.

– Поднимись и сделай это! – снова повторил Гуру, стоящий за спиной.

– Да как мне это сделать? – Ньютон злился, тяжело дыша после тысячной попытки и впиваясь руками в рыхлую землю. – Я же не вижу отсюда ничего! Как я могу знать, что там? Всё одинаковое! Везде голая земля да камни!

– Ориентируйся на обломки вышек. Посмотри внимательно и вообрази, какой бы она предстала перед тобой, стой ты у её подножия. И не думай о камнях и земле!

Покачиваясь, Ньютон поднялся на ноги и вновь посмотрел на темноволосую девушку вдаль. Она махала ему руками, а рядом с ней подпрыгивал смуглый коротышка. Затем он чуть поднял глаза и взглядом ощупал ровные очертания треугольной вышки.

Ньютон сосредоточился, почувствовал, как его внутренняя энергия сливается с энергией локации, и «прыгнул» через пространство.

Внезапно каменная твердь больно упёрлась в грудь. Ньютон оказался ничком на краю плато, и взгляд его угодил в сверкающую молниями пропасть. В лицо хлынула вода. В носу зажгло, лёгкие сдавило. Ньютон пытался закашлять беспомощно хлюпающим горлом, но не смог. Почувствовав устойчивый камень лишь под правой рукой, а под левой пустоту, он с трудом отполз от обрыва, сплёвывая воду. Всё

внутри болело и стонало.

Откуда-то послышался звонкий смех. Ньютон поднял голову и сквозь слёзы увидел на соседнем холме Аню – совсем ясно и близко. Он в панике отвернулся от неё, пригнулся к покрытому сухим мхом камню и судорожно ощупал вновь появляющуюся левую руку.

Гуру возник рядом так неожиданно, что Ньютон вздрогнул и, увидев мокрые туфли учителя, задрал голову вверх. Нахмурившийся Гуру хотел что-то сказать, но, заметив неестественно меняющуюся неустойчивую телесную форму, которую ученик отчаянно старался превратить в руку, смягчился и присел.

– Сейчас, – тихо сказал Ньютон, и шмыгнул. – Я сейчас. Только секунду...

Рука, наконец, обрела устойчивую форму. Несмело сжав её в кулак, Ньютон глянул через плечо на соседний холм. Аня стояла, прислонившись к обломкам антенны, и с улыбкой слушала болтовню Хосе. *Они ничего не заметили* – с облегчением пронеслось в голове.

– Давно ты без руки? – тихо спросил Гуру.

– С детства, – Ньютон утёр покрасневший нос, присел на корточки и целеустремлённо уставился на холм, где его ждали.

Учитель вздохнул в искренней печальной задумчивости, а затем присел рядом с учеником и тихо заговорил:

– Дело твоё, но пойми, что это отнимает много сил и энер-

гии. Постоянно следить за тем, чтобы она не исчезала... Тебе решать, насколько это важно. Но помни, что это здорово тебя ограничивает. Возможно, поэтому телепортация и не выходит.

– Я справлюсь, – не сразу, но с бодрой улыбкой ответил Ньютон.

Гуру кивнул, и оба они поднялись. Ньютон взглянул на Аню и мысленно позвал её. Она услышала его и подошла к краю с лёгким беспокойством на лице.

– «Уверен?», – услышал Ньютон у себя в голове.

– «Уверен», – ответил он.

Девушка кивнула и испарилась. Хосе растерянно завертелся на месте.

Аня возникла крошечным силуэтом на самом дальнем холме, почти недоступном для глаз.

Ньютон обернулся к Гуру, но тот лишь сложил руки на груди и стал наблюдать с интересом.

– Гринго, с пальмы рухнул?! – завизжал Хосе, поняв, куда метит старший товарищ.

Но Ньютон не обращал на него внимания. Он смотрел вдаль, на Аню, даже отсюда чувствуя лёд синих глаз.

Я сделаю это. Сделаю, и плевать на дождь! – заклинал Ньютон всех неизвестных богов и все существующие миры. *Сделаю ради неё! Сделаю, чтобы быть с ней! Либо сделаю, либо никогда! Никогда!*

Ньютон оттолкнулся, бросился вперёд над громыхающей

пропастью и через секунду исчез. Только брызги разлетелись во все стороны, и в выпученные глаза Хосе.

Гуру привстал на носки, внимательно глядя на Аню. Прошла секунда, другая. Вот уже и Аня начала обеспокоенно оглядывать холм за холмом в поисках Ньютона, как вдруг он возник из воздуха прямо перед ней.

Почувствовав твёрдую почву лишь под половиной стопы, Ньютон потерял равновесие и едва не упал спиной в пропасть.

– Держу! – вскрикнула Аня и, схватив его, рванула к себе.

Ньютон чуть не повалился на девушку, но всё же она вовремя отшагнула назад, и ещё долго её побелевшие пальцы крепко сжимали рукава его мокрой куртки. Часто дыша, он поднял взгляд, искрящийся триумфом победы.

– Ты смог! – сказала Аня. – Получилось!

Они засмеялись, но внезапно между ними возник Хосе, и оба упали в разные стороны.

– Ой, я не вовремя?

Хосе захохотал и затряс головой, разбрызгивая воду распущенными волосами, точно пёс. Ньютон бросился на Хосе и завалил его на землю.

– Не вовремя? – строжился Ньютон сквозь оскал и щеко-тал казанками ребристые бока малыша. – Я тебя убью, выско-чка проклятый!

Краснея, Хосе хохотал:

– Ну! Не надо, не надо!

Казалось, малыш сейчас же проснётся, но он только телепортировался из рук Ньютона на холм, где стоял Гуру.

Ньютон помог умиляющейся Ане подняться и окинул обнимающим взглядом полигон. Дождь заканчивался. Между океаном и тучами показалось солнце, отразившееся в изумрудных, жизнерадостно бушующих над головами волнах.

Увидев вдали учителя, выставившего перед собой большой палец, Ньютон благодарно кивнул и улыбнулся так широко, как не улыбался никогда в жизни.

Гуру оказался первоклассным наставником. В первые дни он был грубым, несправедливо вспыльчивым, но с каждой новой встречей Ньютон всё больше убеждался в том, что не зря доверился этому человеку. Ведь каждая тренировка неизменно заканчивалась успехом, даже если на освоение определённой техники, например телепортации, уходило около недели. Недели беспробудного глубокого сна, от которого Ньютон просыпался в реальности смертельно уставшим. Он чувствовал себя постаревшим на год, и всё же быстро ободрялся, думая о Гуру – о том, как стойчески учитель терпел, не выдавая собственной усталости, и только с невозмутимым лицом повторял ученикам, когда кто-нибудь из них просил о передышке:

– Никакой передышки! Так же, как мышцы тела растут от разрывов, так и дух крепчает лишь в экстремальных условиях. Рост – это всегда сверхусилие. Всего-то нужно сделать максимум того, что можешь, и ещё приложить чуть сверху.

Другого не дано.

– Но я так устал, я почти ничего не вижу! – говорил Хосе за обоих, и Ньютон мысленно был благодарен малышу за это. – Я почти не могу удерживать контроль!

– Вы всё ещё мыслите так, будто вы в реальности. Думаете, от отдыха что-то изменится? Отдых лишь восполняет потраченные силы, но никогда не дарует новых. Вам не нужен отдых, вам всего лишь нужно совершить невозможное в мире, где возможно всё! Так сделайте это, и покончим!

Ньютон ненавидел Гуру в такие моменты. Ему хотелось столкнуть Гуру с обрыва, особенно когда учитель говорил всё это при Ане, сохраняющей вид непричастности. Но в итоге, после всех тягот, ему хотелось лишь немного отдохнуть и скорее освоить следующую технику. И теперь, когда вечно угрюмый учитель находился на противоположной стороне полигона и показывал ему большой палец, когда Хосе прыгал и аплодировал, и когда рядом смеялась Аня, стоявшая с ним плечом к плечу, ему казалось, что он самый могущественный и счастливый человек на Земле, и всё лишь благодаря наставнику.

– Молодец, Ньютон.

Глава 8. «43»

После освоения техники телепортации, Аня, Хосе и Ньютон простились с учителем и ненадолго остались на плато.

– Аня, вот скажи, – заговорил Хосе с девушкой, сидя на корточках и прислонившись спиной к остову вышки. – Зачем мы столько времени учились летать, прятаться, проходить сквозь стены и всей той ерунде, если теперь мы можем просто телепортироваться? А?! Ну зачем?

Аня стояла рядом с малышом и смеялась не то над его словами, не то над рожицами, которые он корчил, подставляя солнцу лицо.

– Телепортироваться можно лишь в локацию, где ты уже был, – чуть отсмеявшись, объяснила Аня. – Либо в место, которое ты можешь представить в мельчайших деталях. А это порой сложно. К тому же, едва ли получится телепортироваться за стену, если не знаешь, что за ней. А вот *пройти* через стену – больше шансов.

– Бла! Бла! Бла! Ты просто оправдываешь старика! Так и скажи, что Гуру просто издевался над нами. Верно? Эй, Ньютон, слышал?

Ньютон ходил вдоль обрыва, недалеко от них и почти не слышал их разговора, так что зов младшего товарища вывел его из глубокой задумчивости в ступор.

– Что? – спросил он.

Аня с Хосе засмеялись над ним, что-то пошутили, и он, ответив глупой виноватой улыбкой, вновь стал мерить шагами край плато.

Он пытался придумать, как бы хитрее, и в то же время ненавязчиво поговорить с Аней, заслужить её внимание. Ещё пару минут назад его окрылял триумф, когда он сумел телепортироваться на самое дальнее плато, а сейчас его захлестнула растерянность. Недавно он держал Аню за руки, а теперь девушка казалась совсем далёкой. Всё оставалось по-прежнему. Это злило его и одновременно удерживало от необдуманных поступков.

Каким-то образом Хосе почувствовал смятение товарища и потому, когда Аня собралась уходить, он подскочил и попросил её:

– Аня, мы хотели ещё поработать над прыжками. Останешься с нами хоть ненадолго?

– Боюсь, я слишком устала, ребята, – ответила девушка и чуть виновато улыбнулась.

Она лукавила. Ньютон видел под её одеждой, как сияющие потоки растекались по всему тонкому телу и не иссякали. Они вообще, казалось, никогда не иссякали, даже если они оттачивали такую изнуряющую технику, как телепортация.

– Может, тогда просто посидим ещё немного здесь? – Хосе не сдавался. – Или прогуляемся где-нибудь?

Свет заливал ямочки на Анином персиковом лице, и капли от воды на чёрной косе сияли радужным бисером.

– Спасибо за предложение, – обратилась девушка к ним обоим. – Но после утомительных тренировок я предпочитаю свою комнату. Там спокойнее. И вам обоим тоже лучше отдохнуть.

Ньютон встретил на себе её взгляд и помахал рукой как можно непринуждённое.

– До свидания, ребята, – сказала Аня и исчезла.

Ньютон долго смотрел на то место, где только что видел её. Его разбитое сердце немело от необоснованного, но отчётливого страха, что это был точно последний шанс, и другого не будет.

– Что, гринго, влюбился? – спросил Хосе, подойдя к нему.

– Да иди ты, – буркнул Ньютон и сел на сырую траву.

Радуга между парящими плато угасла.

– Да ладно, я же помочь хочу, – хихикая, Хосе сел рядом и подтянул к груди тощие смуглые коленки.

– Помочь? Чем ты мне поможешь? Что ты знаешь о... «любви»?

Хосе горделиво гоготнул:

– Да перед тобой же – Хосе! Покоритель женских сердец!

– Ага. Как же...

– Да, да! У нас это в роду! Начиная от деда, – малыш на мгновение задумался. – Хотя, он плохой пример. Его только наркота интересовала. Но вот отец мой! Тот настоящий

Дон Жуан! Иначе не было бы у меня двадцать семь братьев и сестёр!

– Двадцать семь?

– Ага.

– Да врёшь ты всё.

– Не вру! Двадцать семь братьев и сестёр в пяти разных странах, – Хосе снова захохотал.

Ньютон смотрел на него, не то с сочувствием, не то с подозрением, однако подросток принял этот взгляд за обиду или угрозу, так что сразу сделался тише:

– Ладно, гринго, ладно тебе. Я просто хотел тебя отвлечь и дать совет: когда тебя влечёт к даме, не стоит стоять истуканом и щёлкать клювом.

И то верно, подумал Ньютон, оторвал клочок травы, растёр его в кулаке, затем разжал мокрые пальцы и развеял зелёные стебли по ветру. Он проводил их взглядом, и с мимолётной грустью вспомнил своего брата. *Артур умел разговаривать с девчонками, ему и повод не нужен был.*

– Ну, так что, она тебе нравится? – снова спросил Хосе.

Ньютон горячо и подавленно кивнул несколько раз.

– Так притащи на следующую тренировку цветы что ли. Или хотя бы открытку!

– Открытки дарят те, кому сказать нечего.

– Тоже мне, умник! – Хосе вскочил на ноги. – Я твою личную жизнь тут устраиваю вообще-то! Посмотри-те-ка: «нечего сказать». А тебе, видите ли, есть что сказать! Так

чего тогда просто не подойдёшь к ней и не скажешь, что ты там о ней думаешь?

– Да я даже сам для себя не могу понять, что именно «я о ней думаю». Это совсем непросто. То есть, мысли то у меня всякие есть, но начинаешь представлять, как будешь произносить их вслух, и всё кажется таким позором!

– Да ладно тебе! – смягчился Хосе и стукнул товарища по плечу. – Ты чересчур самобичуешься. Давай представим, что я – Аня!

Ньютон недоверчиво покосился на хитрого мальчика.

– Давай, потренируйся на мне. Представь что я – это она, и скажи, что ты обо мне думаешь, ну?

– Да ну тебя, – тихо ответил Ньютон, и внезапно для себя улыбнулся, почувствовав странное облегчение.

– Напросись к ней в гости, – после недолгой паузы предложил Хосе.

– А дальше-то что?

– Там и посмотришь, – Хосе почесал пушок на подбородке и ухмыльнулся. – Хотя, вряд ли она тебя к себе пустит. Уж очень она любит свою комнату. Слышал, да?

Ньютон не стал спорить. Хосе не знал, что Ньютон мог в любой момент оказаться в комнате Ани. Стоит только представить домик во ржи и готово.

– Эй, а хочешь, я покажу тебе свою комнату? – с внезапным детским восторгом юный «знаток любовных дел» заплясал на месте.

– Зачем это? – искренне удивился Ньютон.

– Как это зачем? Ты же не был на Кубе? А у меня там – Куба! Райские пляжи, джунгли, какие тебе и не снились! Я всё тебе покажу, а ты мне откроешь своё подсознание! – Хосе снова плюхнулся рядом со старшим товарищем. – Вот здорово будет! Станем, как соседи! Сможем ходить в гости друг к другу и всегда держаться на связи.

Ньютон представил, как маленький чертёнок будет возникать в его комнате – в единственном недостижимом ни для кого месте, всякий раз, как ему вздумается, и будет доставать своей болтовнёй и шуточками.

Но глаза Хосе горели жаждой дружбы и фанатичной преданностью бездомного щенка.

– Не стоит этого делать, – уклончиво ответил Ньютон, пытаясь изобразить сожаление. – Гуру говорит...

– Ах, ну да, ну да, – почти шёпотом, с абсолютно серьёзным видом проговорил Хосе, не дожидаясь продолжения.

В любых спорах против малыша лучшим аргументом было упоминание о Гуру. Этого было достаточно, чтобы его лицо преобразилось в глубочайшем понимании.

– Маэстро Гуру верно всё говорит! Забудь, что я предложил тебе такую глупость, друг!

Ньютон был рад закончить спор, и всё же его мучала совесть из-за того, что он не сказал малышу правду, как есть. Нечестная победа принесла ему только горечь от очередного осознания собственного малодушия и нежелания поте-

рять единственного человека, который смотрел на него снизу вверх.

* * *

Разгребая горы мусора в своей комнате, Ньютон по прежнему думал об Ане и внезапно обнаружил в завалах нечто, что принадлежало девушке. *Вот он – повод!*

* * *

Аня спускалась с лесистых холмов к дому, подставляя лицо тёплому дождю и фиолетово-серым тучам. Капли били по полузакрытым векам, лбу, стекали по вискам к шее, скатывались под воротник лёгкой промокшей рубашки. Далеко за макушками гор томилось солнце, окрашивающее домик во ржи в тёплые оранжевые тона. И всё же лило, как из ведра.

Ньютон покачивался на качелях, во дворе, под навесом, который создал сам себе, чтобы не вымокнуть. Увидев промокшую до нитки девушку, он спрыгнул на землю и хотел сотворить зонтик и побежать ей навстречу, но всё же решил не играть в джентльменство, ведь это был её мир и её правила. Если она мокла под дождём, значит, хотела этого.

– Привет! – радостно поздоровался он, когда девушка подошла к дому.

– Здравствуй, самоучка, – с улыбкой ответила Аня тоном Гуру, и, казалось, хотела добавить что-то ещё, но взгляд её остановился на навесе. – Это что ещё такое? – неожиданно она изменилась в лице.

Ньютон обернулся на своё сооружение, затем снова по-

смотрел на девушку. Она была почти на голову ниже его и вымокшая выглядела совсем беззащитной. Но беспощадное выражение её лица говорило об обратном.

– Навес, – тихо ответил Ньютон.

– Серьёзно? А я думала, твой новый дом, – Аня нахмурилась. – Вижу, что навес, – её приоткрытые от негодования губы на секунду замерли. – Я ведь просила, ничего не менять здесь!

От укоряющего взгляда, полного разочарования, Ньютону захотелось застрелиться. Аня с безнадёжностью покачала головой, закатила глаза и, горько вздохнув, пошла по чавкающей траве к двери.

– Ладно, пойдём в дом, – всё же сказала она. – Только убери свой навес, пожалуйста.

Ньютон посмотрел на навес и тот исчез, освобождая ветви могучего дуба.

– Прости, я не хотел тебя расстраивать, – заговорил он, войдя в кухню-прихожую. – Просто, мне негде было спрятаться от дождя.

– Зашёл бы в дом. Двери открыты.

Перед лицом Ньютона снова зазвенели колокольчики с ангелами.

– Не хотел заходить в твой дом без позволения.

Аня ничего не ответила, только оставила мокрую обувь у двери и прошла в комнату. Ньютон присел за стол у окна и наострил слух.

– Что...? – протяжно донеслось из спальни, и тогда он довольнo улыбнулся.

Из проёма показалась голова Ани и оголённое плечико:

– Ты починил дверь? – её глаза сияли от восторга.

– Просто вернул её на место, – ответил Ньютон. – Теперь ты снова можешь выходить в коридор и подглядывать, как бестолковые романтики пялятся на звёзды. Ну, или как хранители дают мне тумаков.

– Это моё любимое шоу! – Аня рассмеялась и скрылась.

Стены дома наполнились жизнью и кислородом. Ньютон, наконец, вздохнул свободно, чувствуя, что всё идёт гладко.

– Ты воссоздал её в малейших деталях! Как тебе удалось?

– Ну, не только хранители имеют хорошую память. А если честно, как я и сказал, я всего лишь вернул её на место.

– Как это? – спросила Аня.

– Нашёл её в своём подсознании, – ответил Ньютон. – Там у меня сейчас чёрт ногу сломит... Ну, и среди моего хлама была почему-то твоя дверь. Целёхонькая. Вот я и решил её вернуть.

– Спасибо. Надеюсь, это было не сложно?

– Да как будто бы нет.

Переодетая в сухую мужскую рубашку с подвёрнутыми рукавами и спускающуюся до гладких светлых бёдер, Аня вышла из спальни. В руках она держала полотенце, которым «пушила» распущенные волосы. Ньютон отвернулся к окну и принялся внимательно разглядывать фиолетовое небо.

Оно нависало и клубилось над чёрной линией горизонта, очертившей острые кроны соснового леса и мутные горы.

– Значит, – заговорила Аня, бросив полотенце на спинку стула. – Теперь у тебя есть комната и тебе больше не придёт-ся бродяжничать, – она подошла к одноконфорочной газовой плитке, поставила на неё полный чайник, зажгла огонь, и повернулась к Ньютону. – Так, когда новоселье?

– Ну, я... – Ньютон потянулся к затылку. – Нужно сначала всё обустроить. Навести порядок и всё такое...

– Успокойся, я пошутила, – Аня мимолётно улыбнулась ему и подошла к комоду, достала заварник и несколько стеклянных банок, наполненных сушёными травами.

– Да я бы с радостью...

– Не нужно, – мягко оборвала Аня. – Это единственное место на свете, где ты можешь скрыться от всего и всех, – в голосе её таилась невысказанная печаль. – Так что, мой тебе совет, поменьше открывай двери кому ни попадя.

– Хм. Гуру то же самое говорит.

На это Аня ничего не сказала. Она насыпала в заварник щепотки разных трав. Чайник на плите забулькал, из носика потянулись струйки пара.

Ньютон с изумлением разглядывал кухню, следил за процессом приготовления чая, и всё это вдруг показалось ему крайне странным и неуместным. Он никак не мог понять, почему, пока не вспомнил, что они находятся в мире снов.

Когда Аня сняла с плиты чайник и залила кипятком тра-

вы, Ньютон спросил:

– Слушай, я тут подумал. Ты ведь и сама могла вернуть дверь на место. Или просто создать новую. Но ты этого не сделала. Почему?

– Видишь ли, я не поклонница «магии».

– Но как же ты тогда попадаешь отсюда в коридор дверей?

– Никак не попадаю, мне это ни к чему, – Аня прошагала к столу и села рядом. – Я не люблю скитаться по пустой территории. Всё, что мне нужно, здесь.

Девушка была так близко, что Ньютону показалось, будто он чувствует её запах. Что-то вроде смеси пихты или можжевельника со сладкими нотками лугового зноя и каплей чистого озона. Станный, почти родной и уютный запах из прошлого. Ньютон подумал о детстве, но оно пахло по-другому, совсем неприятно – отчуждением и переездами. Этот же призрачный запах был ему раньше не знаком и знаком одновременно.

– Ньютон, Ньютон, – с нежной и сочувствующей улыбкой произнесла Аня. – Что такое двери в этом мире? Не больше, чем формальность. Так же, как и Коридор Памяти. Как и всё это, – она обвела глазами комнату. – Нашему мозгу легче воспринимать всё привычными образами. Но где гарантии того, что эта дверь вообще существует где-то, кроме фантазий?

– Не говори так, – после короткой паузы произнёс Ньютон, обеспокоенно вылупившись на Аню.

Ему и без того хватало подобных скверных мыслей, неизменно настигавших его в реальности

– Мир снов – это не просто фантазия, это – вторая реальность! – уверенно сказал он. – Если бы всё было не взаправду, то ты не была бы живой! В смысле, настоящей! Существовала бы только в моей голове, и всё. Но это же не так, правда? Была бы ты фантазией, у тебя не было бы своих мыслей и собственной воли!

– А может, я слишком своенравная фантазия? – Аня чуть подалась вперёд и посмотрела на него с лёгким дразнящим прищуром.

– Нет, – он сконфуженно отвёл взгляд. – Нет, нет, нет. Глупости. Никакая ты не фантазия.

– Разумеется, нет, – Аня отпрянула. – Я просто провоцирую тебя.

– Зачем?

– Ну, может мне интересно, как далеко ты зашёл бы, будь я твоей проекцией.

Ньютон покраснел, не зная, как реагировать. Заметив это, девушка рассмеялась:

– Ох, прости! Правда, прости. Глупости несу. Просто я давно ни с кем не общалась, кроме Гуру. И порой мне самой не верится, что я говорю с кем-то живым, а не сама с собой. Правда, не сердись. Я просто дурачусь, – Аня выдохнула и после долгой паузы спросила. – Ты не из тех, кто любит глупости, верно?

– Не знаю, – Ньютон с трудом натянул улыбку. – Судя по всему, весь этот сыр бор с дверью – тоже просто глупость. Так что, наверное, иногда я дурачусь.

– Нет, тут ты не прав, – возразила Аня. – Я рада, что теперь она на своём месте. И ещё раз большое человеческое спасибо за заботу. Ты настоящий джентльмен – починил дверь, ждал меня под дождём, как благовоспитанный... – девушка вдруг замолчала. – Погоди ка. Ты вернул мне выход в коридор... Когда я подошла к дому ты был под навесом, абсолютно сухой... Значит, ты вставил дверь, вошёл в дом из коридора, а затем вышел на улицу и сделал вид, будто ждал меня снаружи?

– Ну, – Ньютон затаил дыхание и хотел соврать, будто телепортировался, но не смог.

Аня разразилась смехом:

– Значит, остаться в доме, точно зная, что меня в нём нет – тебе неловко. А вот вламываться из коридора ко мне в спальню без спросу – это ничего! А вдруг я была бы не одета?

– Я стучался! Честное слово!

– Точно? А вдруг я спала и не слышала?

– Тогда я бы сразу ушёл, чтобы тебя не тревожить!

Аня бойко погрозила пальцем:

– А ты, оказывается, опасный человек, Ньютон. Вот ты и попался.

– Да я только хотел проверить, сработало ли! Честное слово! У меня не было никаких... ну... то есть... непристойных

мыслей.

– Ну, конечно!

– Не веришь? – Ньютон хотел рвануть к двери – спастись бегством от стыда. Но тёплое, лёгкое прикосновение к его кисти заставило неожиданно успокоиться.

– Не уходи, – тихо сказала Аня, держа его за руку. – Ко мне не часто приходят гости и... Тебе я рада. Останься на чай. Он уже, наверное, готов.

Ньютон наблюдал, как Аня разливает чай. Тёмно-оранжевая горячая жидкость лилась из носика заварника тонкой струйкой. Вместе с ней в кружку попадали маленькие цветки неизвестных Ньютону растений.

– А какой смысл пить чай во сне? – спросил он.

– Такой же, какой делать это в реальности, – невозмутимо ответила Аня.

– Ну, нет, в реальности мы всё чувствуем: запах, вкус, прикосновения. А во сне у нас есть только тонкое тело. И почувствовать физическим телом, скажем боль, можно только если это такой сильный удар, который в реальности убил бы. Поэтому, я чувствую гравитацию в твоей комнате. Потому что здесь она зашкаливает. Но разве можно во сне усилить вкус или запах?

– А ты попробуй, – Аня хитро сверкнула глазами, поставила чайник и застыла на госте любопытным взглядом.

Ньютон поднёс к лицу горячую, но не обжигающую пальцы чашку с отколотым краешком, и носом втянул пар.

– Это мой фирменный сбор, – гордо сказала Аня. – Я очень долго подбирала травы и нужные пропорции.

На удивление, чай не просто имел запах. Он благоухал горной мятой, чёрной смородиной, мёдом и чем-то, чего Ньютон не знал.

– Так вот чем ты занимаешься в лесу и горах? Собираешь травы для чая?

– Да. Мне нравится это. Иногда попадаются и ягоды, или грибы..

– «Попадаются»? – Ньютон удивился.

– Ну, да, – Аня не видела в этом ничего удивительного. – Попадаются. Я ведь не выращиваю их на огороде. Ну, так что, попробуешь чай?

Ньютон слегка подул, волнуя оранжевую гладь, и осторожно отпил. Горячее коснулось губ, богатый вкус мягко разлился по всему рту. На языке возникла призрачная сладость смородины, которая растаяла и уступила место мяте. Затем чай скользнул внутрь, согревая пищевод чем-то пряным, похожим на гвоздику. Вкусовые ощущения перевернулись с ног на голову. Ньютон никогда не подумал бы, что можно чувствовать вкус во сне, но он чувствовал. Казалось, будто Аня заряжала эти травы собственной энергией, вкладывала в них частицу своего опыта и себя самой. С каждым глотком Ньютон прикрывал глаза и ощущал на своей кисти недавнее прикосновение девушки и буквально видел, как она бережно касается стеблей диких трав, срезает их так, чтобы не по-

вредить корни.

Аня смотрела на гостя. Ньютон же делал второй глоток, и третий, и четвёртый. Жадно вдыхал сладкий лесной запах, вонзающийся не только в носовые рецепторы, но и в саму память, отправляя его в путешествия по невиданным местам, понять которые он не мог. Однако он испытывал прилив неясных ему сил и лёгкость необъяснимого покаяния.

– Как тебе? – спросила Аня, когда Ньютон отставил чашку и откинулся на спинку стула, стирая со лба выступившие от жара капельки пота.

Он восхищённо смотрел то в окно – на мокрый зелёный мир под лиловым вечерним небом, то на Аню. А в голове всё ещё кружилось, и оседали мысли, как чайные листочки в заварнике.

– Да уж, – выдохнул он. – Если двери в мире снов просто «формальность», тогда что же это за чудо-зелье?

Девушка засмеялась, и он засмеялся вместе с ней.

– В жизни не пробовал чая вкуснее. Нет, совсем ничего вкуснее этого не пробовал! – сказал Ньютон, и снова взялся за чашку, видя, как Аня расцветает. – А ещё говоришь, что не поклонница магии.

Глава 9. Оазис

Однажды Гуру, Ньютон и Хосе явились в место совсем не похожее на предыдущие локации общей территории. Это был пляж, омываемый морскими волнами. В лазурном небе висело самое обычное солнце. Повсюду были полуголые сно-видцы. Они с наслаждением загорали, лёжа на полотенцах и шезлонгах, словно могли чувствовать тепло солнечных лучей. Некоторые плавали вдоль берега. Вдали, верхом на гигантской волне неслись сёрферы. Иногда, когда кто-нибудь из детей, копающихся в песке, вдруг поднимал голову вверх и тыкал пальцем в небо, над пляжем возникали разноцветные чайки.

Можно было решить, что это чей-то сон внутри комнаты, и что все эти люди – чьи-то проекции, если бы не хранители, растянувшиеся кривой шеренгой в десятке метров от пляжа. Ньютон не сразу узнал их. При таком ярком свете они походили на ростовых кукол, увешенных старым чёрным тряпьем, развивающимся на ветру. И лишь когда один из них повернул голову на Ньютона и зловеще моргнул, всё стало понятно.

– Эй, гринго! – восторженно завопил Хосе. – Кто первым до воды?

Малыш оголил тощее мускулистое тело и шлёпнул Нью-

тона рваной футболкой.

– А ну тихо! – раздался голос Гуру за их спинами.

Ученики обернулись и оба потеряли дар речи от вида учителя.

Привычный костюм, туфли, накрахмаленный воротник исчезли, и теперь Гуру предстал перед ними босым, в плавках, в пёстрой рубашке с коротким рукавом и в глупой соломенной панамке. Новый Гуру поразительно отличался от старого приземистым ростом, выпирающим волосатым животом и загорелым лицом с раздутыми обветренными губами. Лишь строгий тёмный взгляд выдавал его, пока он не скрыл его за линзами смешных солнцезащитных очков с зелёной оправой.

– Мы не дурачиться пришли, – сказал учитель.

– Серьёзно? – Хосе хохотнул и глянул на Ньютона, с трудом скрывающего смех.

– Ньютон, – позвал учитель и понизил голос. – Ты ведь мастер имитации. Посмотри вокруг!

Ньютон обвёл взглядом отдыхающих, сосредоточился, и рубашка на нём тут же сменилась майкой, а брюки обернулись купальными шортами.

– И всё? – недоверчиво спросил учитель и добавил. – Хоть загара добавь! Ты же на пляже, а не в склепе...

По интонации Гуру, Ньютон понял, что учитель удивлён его растерянности. Тогда самоучка изменил цвет кожи и мысленно приказал себе собраться и не обращать внимания

на морские волны и резвящихся в них людей.

– Итак, ребята, сегодняшняя тренировка может показать-ся вам лёгкой, но не обольщайтесь, – Гуру неспешно зашагал к отдыхающим. – Как вы уже поняли, все эти люди – сновидцы.

Ньютон посмотрел вдаль и заметил, как один мужчина зарывался головой в песок, точно собака. И как маленькая рыжая девочка проходила мимо шезлонгов и с лёгкостью поднимала один за другим вместе с невозмутимо лежащими на них туристами, что-то искала в песке, хмурилась, и ставила шезлонги обратно.

– А место, где мы находимся, – продолжал учитель. – Называется *оазис*. Оазисы – это локации, обладающие определённым *магнетизмом*. Они притягивают сновидцев, случайно покинувших пределы своих комнат точно так же, как к настоящим оазисам стекаются все караваны и путники пустынь. Отсюда и название. Все заплутавшие в мире снов интуитивно стремятся найти таких же, как они, чтобы почувствовать себя в безопасности. Одни сновидцы подстёгивают фантазию других, и, в конце концов, мало кому в таких местах грозит внезапное осознание себя и немилость хранителей. В мире снов оазисов огромное множество, и в каждом, как правило, собираются сновидцы определённой социальной группы. К примеру, для ветеранов войны это могут быть окопы. Для студентов – университет. Для спортсменов – спортзал. А для детей – детские площадки или шко-

лы. Оазисы – это безопасные для сновидцев места в бушующем хаосе общей территории. Здесь они могут в относительном спокойствии дожидаться утра. Разумеется, они всего этого не понимают, но зато понимают другие... – Гуру сделал паузу, сотворил три шезлонга рядом с отдыхающими девушками, с которых Хосе не сводил глаз, и, когда все трое сели, продолжил. – Я говорю о других сноходцах... Некоторых из них тянет к подобным местам по более ясным причинам, – учитель пристально взирал на учеников поверх очков. – Есть сноходцы, владеющие запретной и крайне сложной техникой. Техникой узурпирования, которая позволяет подчинять волю сновидцев. Оазисы – идеальное место для установления контакта со сновидцами.

Ньютону стало не по себе. И это место вмиг утратило и без того скудное дружелюбие. И даже волны словно забились громче и злее.

– Зачем им нужна воля сновидцев, маэстро? – спросил у учителя Хосе.

– Чтобы завладеть их сознанием и управлять ими...

От слов и взгляда учителя малыш поёжился.

– Это запретная техника, очень сложная. Тех, кто используют её, называют узурпаторами.

– А как это происходит? – спросил Ньютон.

– Смысл техники в том, чтобы сначала выловить случайно забредшего на пустую территорию сновидца и втереться к нему в доверие. Сложность в том, чтобы сновидец не запо-

дозрил подвох и не начал пробуждаться. И чтобы хранители тоже ничего не заподозрили. Для этого можно прикинуться проекцией. В таком случае узурпатор становится сновидцу вроде как другом, и как бы невзначай роняет подобный вопрос: «Ты случайно не заблудился? Помочь тебе найти дорогу домой?»... После этого вопроса, если сновидец проникся к узурпатору доверием, то он сам приведёт его к своей комнате, хотя будет почти уверен, что это не он ведёт, а его направляют... В конце концов, узурпатору останется только не прозевать подходящий момент и успеть проскочить в дверь вместе со сновидцем до того, как он её захлопнет или проснётся...

– Мам-ма Мия... – прошептал Хосе. – А дальше что?

– Когда у узурпатора есть доступ к комнате сновидца, он приходит туда, и лихо всё меняет под себя так, чтобы у истинного владельца сложилось впечатление, что он не у себя в подсознании, а в подсознании кого-то другого. Всё равно, что к тебе в квартиру вломится кто-то и в твоё отсутствие сделает ремонт и сменит мебель. В таком случае, ты ведь непременно извинишься и выйдешь вон, не так ли? Или, по крайней мере, будешь чувствовать себя неуютно в «чужом» доме. Задача узурпатора – поддерживать в тебе это чувство отчуждённости, пока ты, в конце концов, не признаешь, что находишься в его владениях, и «сдашь ему ключи от дома». Или, по-другому, позволишь управлять своим сознанием...

Ученики смотрели на учителя с выпученными глазами,

полными ужаса.

– Это даёт узурпатору власть над разумом... И над телом... Полный контроль над человеком.

– И что... – подал тихий тонкий голос Хосе. – И в реальности тоже?

– И в реальности, и во сне, – подтвердил учитель. – Слышали о «демонах», подчиняющих себе волю людей? Об одержимости? О шизофрении? Когда человек уверен, что кто-то сидит у него в голове и шёпотком помыкает им...?

– Выходит, всё это дело рук узурпаторов? – спросил Ньютон.

– Не всегда, но чаще всего. Сами по себе люди сходят с ума намного реже, чем принято считать в современной психиатрии.

Волны, как и небеса, казалось, всё мрачнели и мрачнели, под стать напуганному и непривычно затаившему дыхание Хосе.

– И много в мире снов этих узурпаторов? – вновь спросил Ньютон.

– Больше, чем безобидных искателей, вроде нас, – Гуру мрачно улыбнулся. – Чаще всего они притворяются проекциями сновидцев. Так что вы могли их встречать, просто не знали, что это они... А ещё, снились ли вам в детстве кошмары, в которых вы бежали от кого-то, сами не зная почему, и лишь просыпаясь, чувствовали такой страх и облегчение одновременно, будто за вами в самом деле гнались?

Ученики утвердительно кивнули.

– Это подсознание подсказывало, что вам грозила реальная опасность. Но теперь вам бояться нечего, – Гуру посмотрел на малыша. – Узурпировать комнату сноходца практически невозможно.

Над их шезлонгами повисло молчание.

– Это ужасно! – наконец выпалил Хосе. – То есть, ужасно, что существуют такие «демоны»!

– А почему сноходцы становятся узурпаторами? – спросил Ньютон.

– Этот вопрос так же открыт и сложен, как и вопрос «Почему существует зло?», – спокойно ответил Гуру. – Но иногда этому есть логическое объяснение. Так, например, в штабах некоторых политиков присутствуют сноходцы-узурпаторы, которых используют, чтобы менять фигуры на своей политической шахматной доске. Понимаете? Но это исключительные случаи. Чаще всего, объяснение намного проще: некоторые люди – хуже животных. Вот и всё. Кому-то просто нравится играть с чужой личностью, как с марионеткой ... понимаете? Я говорю о тех маньяках, которые проникают в чужие тела и в реальности делают с ними всё, что захотят, когда захотят, и где захотят. Но это, на деле, ещё очень безобидно.

– Что же может быть хуже? – спросил возмущённо Хосе.

– Хуже – жажда насилия и чужой боли, – учитель выдержал паузу. – Не секрет, что многие люди, пробудившись во

сне, обретают такую психологическую свободу, что думают, будто им всё позволено и будто они всемогущи! Постепенно эта «свобода» сводит их с ума. И чувствуя безнаказанность, они являются в мир снов, чтобы насиловать и убивать. Иногда они делают это в своих комнатах, превращая их в храмы содомии, где они изгаляются над собственными проекциями или сновидцами... Но и это ещё не так страшно! Даже если сновидец подвергнется, скажем, изнасилованию во сне, телом то он это едва ли почувствует. А проснётся и совсем забудет. А если и вспомнит, то испытает лишь отвращение или смущение к самому себе, решив, что всё это его фантазии...

– Так что же ещё хуже? – не унимался Хосе.

– Хуже когда таким ублюдкам наскучивает бичевать собственное подсознание. Тогда они становятся узурпаторами и завладевают чьей-то комнатой, затем сознанием, дальше проникают в чужую реальность и с помощью тела и личности сеют зло и насилие уже *по-настоящему*... И выходит, что невинный учитель, ещё и приличный семьянин, внезапно становится маньяком-педофилом... Его казнят, а истинный злодей может сидеть на другом конце света, и никто никогда не узнает, что во всём виноват он.

– Это отвратительно! – вспыхнул Хосе и подскочил на ноги. – И вы говорите, что узурпаторов много? Так почему же мы ничего с ними не делаем? Мы ведь можем! В мире творится просто уйма зла! А мы можем бороться с этим, зная причину... Правда? Ведь, можем? Для этого мы здесь? А,

маэстро?

– Хочешь бороться со злом? – Гуру скептически усмехнулся.

Хосе обиженно нахмурился, сжал кулаки и надул губы. Ньютон неодобрительно покачал ему головой.

– Вы оба вольны делать то, что считаете нужным, – продолжил учитель. – Но уверяю, бороться с узурпаторами – занятие бесполезное, если только в вас не горит пионерская зорька, – он сухо отсмеялся. – Вообще-то есть один клан, мнящий себя «полицией» мира снов. По сути, они ведут себя почти как хранители, но толку от них и того меньше. Иногда их агенты «пасутся» в оазисах, чтобы отслеживать и обезвреживать узурпаторов. Но мы здесь не для этого. Поэтому лучше бы ты усмирил своё рвение, юный искатель, – учитель неожиданно ласково потрепал Хосе по голове. – Поверь, слепое рвение ни к чему не ведёт.

– Тогда для чего мы здесь, маэстро?

– Для того, чтобы вы научились выявлять сноходцев в таком большом скоплении сновидцев, – сказал Гуру и неожиданно громче добавил. – Ньютон, ты всё ещё с нами?

– Да, – ответил Ньютон, оторвавшись от созерцания гигантской волны на горизонте.

– Соберитесь, – скомандовал Гуру. – Постарайтесь расслабиться, но будьте начеку. Просто погуляйте тут. Постарайтесь выявить узурпаторов, или других сноходцев, но не вмешивайтесь ни во что. Да и ещё – важный момент. Сновидцы

чувствуют, что вы отличаетесь от них, так же, как вы чувствуете своё превосходство над ними. Поэтому если вы привлечёте внимание людей потенциально готовых к пробуждению, они потянутся к вам, будут задавать вопросы, интуитивно пытаясь вас спровоцировать, чтобы вы помогли им осознать себя... Здесь всё, как в реальности. Большинство людей не хочет пробуждаться и не станет обращать на вас внимание, даже если вы к ним подойдёте и выложите всю правду матку... Но желающие всё же потянутся к истине, которая есть в вас. И если пристанут, то отвязаться будет тяжело, – учитель покосился на бездвижных хранителей-пугал. – Помните своё первое пробуждение? – спросил он у учеников.

– Ещё бы! – Хосе часто закивал.

– Да, – тихо ответил Ньютон.

– Тогда вы помните, что, прежде чем пробудиться, сновидец должен побороть свой страх и остаться во сне вопреки попыткам хранителей разбудить их... И, конечно, смириться с существованием этих монстров...

Ньютон вспомнил своё пробуждение. Когда Артур пытался его пробудить, тьма настигала их обоих, и в той тьме Виктора охватывал его самый главный страх. Это была вода. Грязная зелёно-коричневая вода затекала ему в нос, в рот, в глаза, и чтобы не утонуть, ему приходилось проснуться раньше, чем он мог осознать себя и всё происходящее. Но стимуляторы помогли ему в этом. Он сохранил с ними контроль,

и благодаря самосознанию догадался, что его кошмары это всего лишь уловка хранителей. И те явились ему, в знак своего благословения. Однако истинный вид стражей показался ему не менее угрожающим, и он, как последний дурак, начал с ними бой...

– Если спровоцируете кого-то на пробуждение, – подытоживал учитель. – К вам тут же слетятся хранители и «сделают выговор».

– А что делать, – заговорил Хосе. – Если эти сони сами начнут к нам приставать?

– Притворитесь такими же полоумными, как они, – ответил Гуру. – Ешьте песок, несите чепуху, заставьте их поверить, что вы не отличаетесь от них. В крайнем случае – скройтесь.

Хосе с опаской посмотрел на далёкую шеренгу из чёрных силуэтов. Ньютон же задумчиво разглядывал песок, когда учитель окликнул его и в очередной раз велел собраться.

– Всё ясно? – спросил Гуру.

Ученики кивнули.

– Тогда идите.

Ньютон и Хосе встали и направились вглубь пляжа.

Малыш бежал вприпрыжку чуть впереди. *Вот уж кому не нужно имитировать здесь*, с улыбкой подумал Ньютон. Хосе радовался всему происходящему, точно и в самом деле пришёл на отдых. И одежда на нём подходящая – шорты и ничего больше, кроме сочного смуглого загара и ракушеч-

ного ожерелья на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.